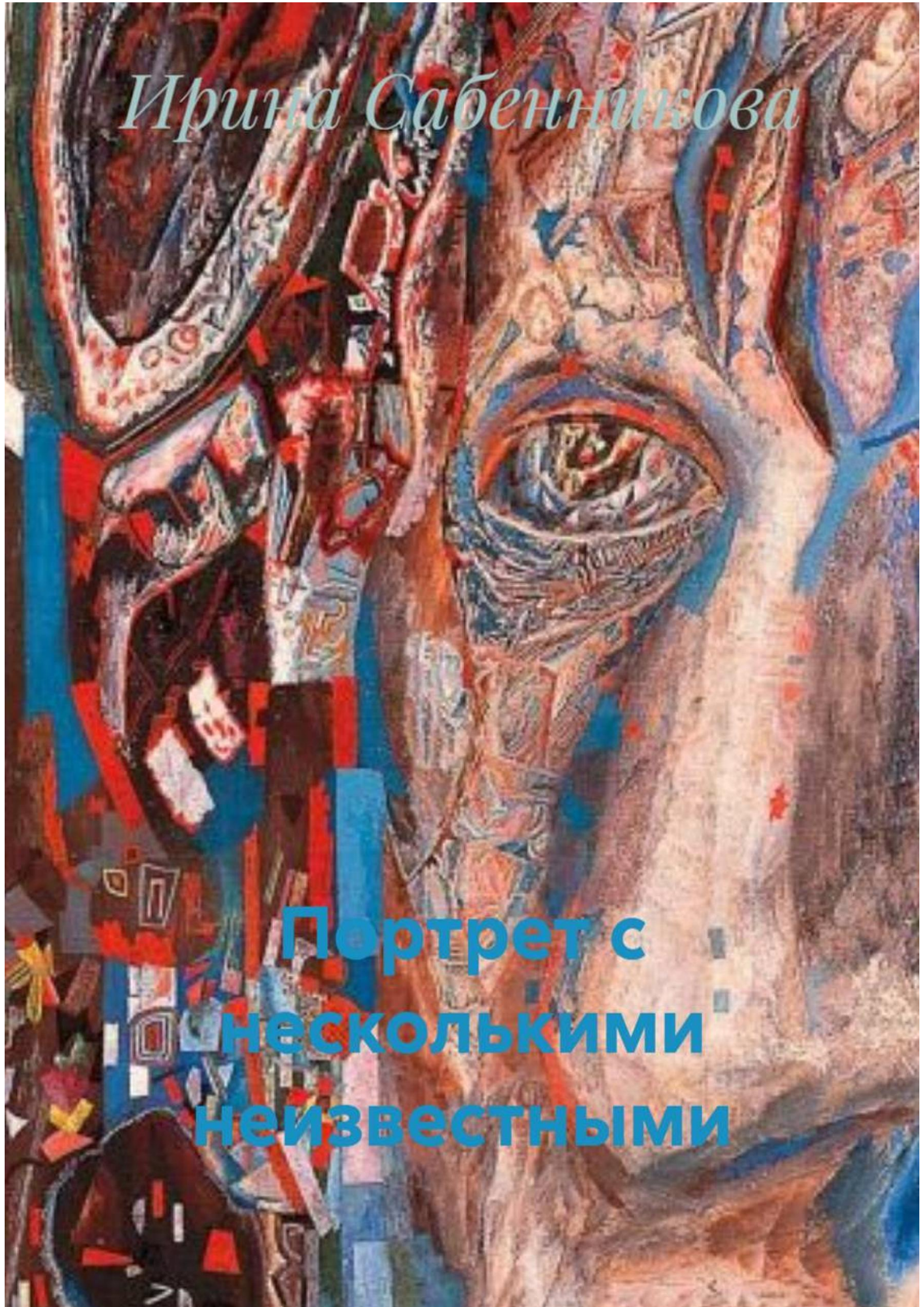

An abstract painting featuring a large, central face with multiple eyes and smaller faces within the composition. The color palette is dominated by reds, blues, and earthy tones, with a complex, layered texture. The overall style is expressive and surreal.

Ирина Сабенникова

**Портрет с
несколькими
неизвестными**

Ирина Сабенникова

**Портрет с несколькими
неизвестными**

«Автор»

2026

Сабенникова И.

Портрет с несколькими неизвестными / И. Сабенникова —
«Автор», 2026

«Портрет с несколькими неизвестными» - книга рассказов писателя и поэта Ирины Сабенниковой, где время сжимается до предела, почти теряет объём, вытесненное многомерностью пространства, не желающего больше оставаться трехмерным. Автор книги исходит из того, что пространство - это пустота, который каждый заполняет по своему усмотрению.

© Сабенникова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Портрет с несколькими неизвестными

Глава

Запись из несуществующего дневника

Чувство было лавиной, которая неслась прямо на меня, невозможно было ни отойти в сторону, ни бежать, ни спрятаться - всякие укрытия и здравые доводы тут же разлетались в щепки. Оно захватило меня и не останавливаясь, понеслось дальше, все дальше вниз, так что казалось этому паденью в пропасть не будет конца. Сначала был только испуг. Я слышала нарастающий гул, видела непрекращающееся кипение чужих эмоций, осознавая свою неизбежную неотвратимую гибель. Казалось, было нечем дышать, отсутствовал обычный воздух, вместо него нечто иное горячее, перенасыщенное страстями, заставляло задыхаться. Я хватала ртом этот невоздух, мои легкие были забиты им до отказа, а в голове крутилась точно камешек в горной речке мысль — это конец.

Постепенно я стала что-то различать. Лавина не была однородной, она вобрала в себя множество красок, увлекших мое воображение, так что в какой-то момент, увлеченная этим разнообразием ощущений я перестала замечать, что падаю.

Потом появились оттенки, они возникали от сочетания красок чистых и ярких, были неожиданными, непредсказуемыми и мне захотелось увидеть их все, даже самые невероятные, точно это было игрой, и я перестала думать, что эта игра моя жизнь.

А потом был удар - лавина врезалась в уступ, преградившей ей путь и вместо того чтобы продолжить падение в бездну вдруг рассыпалась. Краски потеряли свою чистоту и яркость, оттенки исчезли, кругом был снег, жесткий спрессованный, холодный снег, поглотивший все. Воздух был льдист, он обжигал легкие, уже привыкшие к огню, леденил тело и мысли стали похожими на тусклые снежинки в пасмурный день, на те клочья снежной ваты, беззвучно оседающей на замерзшую землю.

Падение закончилось, исчезло ощущение жизни, как чего-то непреходяще ценного, появилось ощущение себя в пустоте, в колбе, в ледяном сосуде тоски. Оно стало единственным. Так продолжалось долго. Потом снег стал темнеть, оседать, съеживаться, исчезло ощущение остроты потери, стало притупленным, привычным, как и внутреннее одиночество.

Прошло время прежде, чем проснулась память, она откликнулась нехотя из-под толстого слоя тишины. Но память уже была чем-то живым, ее можно было приручить, не торопясь разговаривая с ней день за днем, так, чтобы она не испугалась и не съежилась точно снег. Поначалу она была настороженна и отчуждена, но потом привыкла к моему голосу, она прислушивалась к интонациям и потому приходилось быть осторожной, не допуская всплесков слишком сильных эмоций. Я стала неэмоциональной.

Снег растаял, осталась подмороженная земля с осколками камней, веток, облесшей от времени праздничной мишуры. Память уже почти не боялась за меня, она стала смелее, откровенней, позволяла мне видеть многое, но это многое было не тем, что я вновь хотела обрести и ощутить, оно было теплым, а не горячим, красочным, но не ярким, в нем не было четкости и точности ощущений. Стало казаться, что ничего не было, возможно случайный сон, фантазия, мираж заставили меня мечтать о несуществующем. Постепенно я даже начала привыкать к этой мысли, стараясь уместить себя в рамки predeterminedного, умерить, усреднить, успокоить.

- Бог с ней с лавиной, надо спасти себя, без меня исчезнет мой мир, - примерно такими были мои мысли.

Я научилась видеть все в реальном свете и оказалось, что вокруг меня поле, заросшее сорняком. Когда весной сорняки цвели, поле напоминало многоцветную радугу, к которой сле-

тались пчелы. Слух то же стал обыденным и реальным - исчезла мелодия танго, настойчивая, требовательная, зовущая, но появилось множество другого, отрывочного, отчасти случайного, звучащего иногда не впадет, как жужжание комара. Жизнь становилась привычно скучной и тот, кто прежде казался мне героем стал приобретать черты реального земного человека, с неизбежным соединением достоинств и недостатков. Его было даже жаль.

Иногда я подходила к обрыву, смотрела вниз и думала:

- Почему я не сорвалась туда, зачем осталась здесь на поле среди сорняков и колючек, полуденного жужжания пчел и ночной какофонии цикад, что это мне дает, кроме сожалений?

А там, далеко внизу, насколько я могла разглядеть, петляла синей лентой река, стояли чьи-то дома, в которых жили такие же, как и я люди, они возделывали свои сады и собирали урожай. О чем думали люди и чего хотели, я не знала, как не знала и того, как они попали вниз. Из моего далека казалось, что там все хорошо и они ни о чем не сожалеют. Тогда, я решила поступить как они - расчистила от сорняков небольшой участок, убрала старую мишуру и острые осколки камней с земли и посадила яблоню.

Ничего с того момента, кажется, не изменилось в моей жизни, но появилось ожидание, ожидание чуда.

Московское танго

Мы изучили Ваше досье, - говорил некто, сидящий за письменным столом, на котором были разложены какие-то книги, распечатки текстов, листы из ученических тетрадей в клетку, испещрённых разбегающимися в разные стороны строчками, словно их писали с закрытыми глазами.

- Из ваших произведений следует, что Вы любите танцевать, но танцуете преимущественно танго.

Сидящий заглянул в какой-то листок и принялся перечислять:

- Вы танцуете его с дождем, с какими-то воспоминаниями, с собственным автомобилем, который ведете, возможно нарушая правила дорожного движения. Танцуете ли Вы его с мужем?

- С мужем? Нет. Мой муж не танцует.

- Танцевали ли Вы танго с другими мужчинами?

- Возможно.

- Танго танец страсти, своего рода разговор тел на языке страсти, - зачем-то пояснил сидящий за столом и вдруг спросил: Вы страстная?

- Нет, не думаю.

- Тем не менее ваше тело, подчиняясь ритмике танца становится страстным, - задумчиво проговорил некто, - Вы пробовали жить в этом ритме?

Да, конечно.

— Это был Ваш выбор или выбор Вашего тела?

Не помню.

- Хорошо. Вероятно, Вы скрываете это и от самой себя, - предположил вопрошающий. И тут же сделал вывод достойный студента первого курса психфака, только что прочитавшего старика Фрейда:

- Желание танцевать танго говорит о подавленных чувствах, о недолюбленности, разочаровании... Вы любили?

- Да.

Вы помните свой первый поцелуй?

Нет, не помню, предполагаю, конечно, когда и где это могло произойти, но было ли, не помню.

А первый поцелуй юности?

Нет, я не веду счет поцелуям, и я не люблю целоваться.

- Этот факт говорит о недоверии к самой себе, к своим чувствам,- тут же заметил говоривший, что-то записав, после чего задал следующий вопрос:

- Вы помните свою первую ночь, проведенную рядом с мужчиной?

- Помню. Помню даже мое спартанское ложе. Когда я просыпалась человек говорил что-то и я вновь засыпала убаюканная его голосом, который мягко и монотонно в чем-то меня убеждал.

- Убеждал в чем? – последовал следующий вопрос.

- Не помню, я же спала...

- Как и сегодня, вероятно, - заметил вопрошающий и произнес:

- Так и запишем: убегание от самой себя, боязнь проявить чувства.

- Я не убегала, просто спала,- возразила я.

- А мужчина не спал, смотрел на Вас спящую и говорил?

- Да.

- Запишем: пренебрежение естественным влечением человека, лишение его сна.

- Возможно, он просто боялся упасть, постель была узкой или налететь на гвозди - они торчали по краям кровати из досок под простыней.

- Вы сторонник этого странного писателя Чернышевского?

- Вовсе нет, просто не было другой кровати, надо же на чем-то спать.

- Послушайте, у Вас вообще, была первая ночь? - почти потерял терпение вопрошавший.

- Не помню, но помню, что были другие ночи. Почему Вас интересует именно первая?

- Я ищу причину, по которой Вы боитесь быть самой собой, - произнес тот, кто сидел за столом.

- Ерунда, я вовсе не боюсь, но, если Вы вдруг найдете эту причину и попытаетесь ее убрать, я перестану быть самой собой.

-Возможно, Вы правы, я об этом не подумал, – сидящий напротив задумался и вдруг признался, - знаете, я никогда не танцевал.

После его признание наступило молчание

- Вы умеете танцевать танго? – разорвал это молчание сидящий за столом, он был смущен.

- Нет, но давайте попробуем, - предложила я, желая его поддержать.

На московском бульваре среди осыпающихся кленов, стараясь поймать drobный ритм дождевых капель, бьющих по жести водостоков, танцевала она, подчиняясь воле своего необычного партнера. Было еще слишком рано, люди спали и никто не видел рядом с ней немного неуклюжего ангела, выбравшего довольно необычный способ объяснить ей - что такое страсть.

Может быть

Может быть, это ничего не значащий пустяк, и в другой раз я просто не придавала бы значения. В каком-то другом случае, но не теперь, когда я стою на белом, чуть подтаявшем снегу и передо мной раскинувшись точно в полете лежат два крыла, два голубиных крыла соединенных причудливым переплетением еще кровоточащих крохотных косточек, а птицы нет. Мне страшно, страшно почти по-детски. Разум, стараясь защититься, приводит рациональные доводы - что это ерунда, обычное дело, голуби склевали более слабого, да еще и вороны помогли. Но что-то помимо разума, затаившееся в глубине меня, от вида этих раскинутых в крике крыльев, шепчет, что это не так. Это крылья Ангела, его ангела, отнятые и брошенные

на подтаявший снег, сделали его земным, совершенно земным и беспомощным. Нет, я не стану его искать, ни за что на свете, не стану его искать, это не мое дело, я не хочу, не могу...

Моя собака, ощутив запах плоти, стала принюхиваться, потом принялась кружить, постепенно сужая круги, в центре которых раскинулись на снегу крылья, поблескивая в тусклом утреннем свете сизо-серебристым оперением. Я позвала собаку и пошла домой, стараясь не думать об увиденном.

- Извините, - раздался позади меня мужской голос, я вздрогнула от неожиданности. В такое время не слишком много прохожих, а среди них едва ли найдутся те, кому требуется какое-то разъяснение - все спешат на работу.

Я обернулась. Передо мной в зимних утренних сумерках стоял мужчина - невысокого роста, довольно сдержанный, большие тревожные глаза на уставшем лице - такие я встречала у людей, потерявших цель в жизни. Довольно длинные светлые волосы делали его похожим на какого-то, но кого именно никак не вспоминалось.

- Не подскажите, как мне пройти в храм?

Не удивившись этому довольно странному вопросу, я подняла руку и молча указала на проход между домами, пройдя по которому, можно было увидеть церковь, что осталась здесь еще со времен деревни Аксиньино, вытесненной теперь высотными башнями. Только эта сельская церковь, да яблоневые сады напоминали сегодня о том времени.

- Спасибо, - поблагодарил человек и не оборачиваясь пошел в указанном направлении.

- Зачем вы поднимаете голубиные перышки, разве не знаете, что это опасно, голуби переносят всякую заразу.

Мой знакомый повернулся ко мне, неловко держа в своих крупных пальцах маленькое белое перышко и смущенно улыбнулся. Казалось, он меня не расслышал.

- Вы разве не знаете, что голуби принесли самый страшный грипп XX века испанку, - сказала я, надеясь, что такая информация его все же взволнует. Но ошиблась. Он спокойно подошел к старому тополю, чья кара от времени и непогоды растрескалась и вставил в одну из таких расселин перышко, которое тут же призывно затрепетало под ветром.

- Странная причуда украшать деревья птичьими перьями, есть в этом что-то туземное, - съязвила я, зная болезненное пренебрежение Петра Петровича ко всему псевдо этническому.

Он пожал плечами и опять улыбнулся. Улыбка была терпеливой и нежной, такой улыбаются взрослые непонятливому ребенку, ожидая, когда же он, наконец, поймет.

- Они ангельские, - сказал он как нечто само собой разумеющееся и пошел дальше.

- Ангельские? - задыхнулась я от изумления, и попыталась нагнать его, - да вы с ума сошли, это же голубиные, я точно знаю!

Но договорить мне не удалось, Петр Петрович обернулся. Стекла его очков в тонкой оправе таинственно блеснули на солнце, и я осеклась.

- Кто его знает, может быть и правда ангельские, - подумала я и больше уже не старалась его переубедить.

Вот так, всякий раз во время наших прогулок он подбирал какое-нибудь перышко, не всегда даже голубиное и вставлял в расселину коры или трещинку дома. И хотя мне по-прежнему это казалось туземным обрядом, но я уже не протестовала, а как-то раз поймала себя на том, что непроизвольно подняла не приметное перышко, на которое едва не наступила.

- Что ж, - думала я, - если его ангел растерял перья, не грех будет помочь ему собрать их.

И вот теперь я поняла, что это невозможно.

Я давным-давно не виделась со своим знакомым, жизнь нас развела. Он потерял для меня тот ореол необычности, который его окружал, став просто стареющим мужчиной, отчаянно борющимся со временем, хотя прекрасно понимающим, что время не победить - оно в тебе. Его подруги становились все моложе, мысли короче, он побаивался загадывать что-то вперед и та струна, которая связывала две наши души ослабла, превратившись в какое-то подобие

осенней паутины, которую паук за ночь натягивает меж двух травинок, растущих по разным сторонам тропинки, не задумываясь о том, что по ней кто-то обязательно пройдет.

Да, поначалу мне было больно, но это была не та острая нестерпимая боль, как несколько лет назад, а глухая, тупая боль, к которой постепенно привыкаешь и, кажется, даже перестаешь замечать, пока вдруг, что-то или кто-то не заденет той паутинки, все еще незаметно связывающей души.

- Может быть, пойти за ним, за этим странным человеком с усталым лицом, - подумала я, и готова была уже прибавить шагу, но вспомнила, что со мной собака, а с собакой в церковь нельзя.

- Да и зачем, - успокаивала я себя, - просто человек впервые в нашем районе, потому и не знает, как куда пройти.

- Но искал-то он не что-нибудь, не гастроном и не метро, а храм, - возбуждал сомнения какой-то внутренний голос.

- Что ж в том удивительного, - вступал в диалог благоразумный, - в храме служба, верующие стараются на ней быть.

- Ну а крылья на снегу, ты уже забыла? - опровергал разумные доводы внутренний голос.

- Ладно, - решила я, - чем так мучиться и придумывать историю которой нет, лучше пойти в церковь и посмотреть.

Наскоро покормив собаку и сунув в карман пальто мелочь на всякий случай, я заспешила в церковь. У калитки сидела пара алкоголиков-завсегдатаев попрошайек, выставивших вперед пластиковые стаканчики.

- Подавать, надо идя со службы, а не на нее, - вспомнила я вдруг наставления Петра Петровича и прошла мимо удивленных моим невниманием попрошайек, едва не забыв перекреститься на икону.

В церкви было сумрачно, перед некоторыми иконами мерцали свечи, электрические паникадила горели только перед царскими вратами. Несколько прихожан, большей частью старушки, слушали чтение Евангелия.

- Все равно, что сто лет назад, а то и двести, - мелькнула случайная мысль.

Привыкнув к сумеркам, я осмотрелась, незнакомца нигде не было и это меня почему-то встревожило, хотя почему, собственно. Ну, спрашивал человек дорогу в храм, а решил пойти в другое место. И все же... Я поставила свечу перед большой иконой Николая Чудотворца, наблюдая как крошечное пламя быстро набирает силу, и вот уже золотистым мотыльком затрепетало на кончике свечи. Удивительная традиция у русских людей ставить свечи св. Николаю-чудотворцу, точно без чуда им ни дела начать, не путь пройти невозможно. Обернувшись к иконостасу, я вдруг заметила, что правый предел церкви занавешен тканью, из-под которой по краю пробивается свет. Любопытство пересилило и я немного отодвинула край занавеси- на грубо сколоченных лесах, под самыми сводами, там, где по звездному небу были написаны уже сильно затертые от времени серафимы, стоял мой незнакомец. Его голова была запрокинута кверху, вероятно он что-то внимательно рассматривал.

- Ну вот, - подумала я, - ищет свое место.

Определив то, что искал, незнакомец взял длинную кисть и принялся, не торопясь наносить краску. Ему было неудобно работать в таком положении, краска время от времени капала ему на одежду и лицо, но человек улыбался. И эта его улыбка была такой светлой, что она не могла принадлежать ему одному.

- Хорошо, что он нашел дорогу, - почему-то подумала я, словно можно было заблудиться в переплетении городских улиц тому, кто не путал дорог небесных.

Служба закончилась, пономарь легонько тронул колокола, колокольный звон разбудил ленивые городские сумерки. Пьянчужки у калитки оживились, ожидая подаяния, пришлось бросить им несколько монет, которые глухо ударились о дно пластикового стаканчика, даже

не зазвенев. Вдруг я заметила голубиное перышко, воткнувшееся в рыхлый снег возле самой дорожки. Не успев ни о чем подумать, я наклонилась и подняла его, точно оно было обронено мной. Попрошайки недоуменно переглянулись, вероятно, решив, что я поднимаю оброненные кем-то деньги. Перышко было маленьким и белым, лишь с одного края виднелось крошечное рыжее пятнышко. Можно было воткнуть его в церковную ограду, или в кору ясеня, разросшегося возле нее, но почему-то этого делать не захотелось, и я пошла домой, уверенная в том, что это ангельское перышко предназначено именно мне.

Отмотайте немного назад, Маэстро...

Павел Григорьевич давно не виделся со своим приятелем и теперь искренне был рад встрече. Столкнулись они совершенно случайно, в метро, двадцать лет не сталкивались, а здесь, вот, пожалуйста. Как только узнали-то друг друга, не понятно. Когда же он последний раз Петьку видел? На какой-то школьной встрече, когда еще ходил на них. Значит, действительно лет двадцать назад. Потом понял, что не интересно - каждый сам собой занят, но перед другими хочет предстать победителем, а, что там в жизни, что на самом деле и не поймешь. Но Петьке он был рад, они со школы дружили - Петька в естественных науках преуспевал, а Павел Григорьевич в гуманитарных.

- Слушай, Павлик, пойдем куда-нибудь, посидим, мы же сто лет не виделись! Да и повод есть,- предложил Петька.

Павел Григорьевич прикинул, что дома он может появиться часам к десяти, раньше его никто не хватится, и согласился. Ему было любопытно, сильно ли переменился его школьный приятель став профессором и даже, как он слышал, членкором. Ко всему прочему, настроение в последние дни у Павла Григорьевича было препаршивым, в голову лезли мысли о том, что он чего-то в жизни не успел, прошел мимо и вот, если бы взять да начать заново, то он все бы мог поменять. Ну, если и не все, то кое-что совершенно определенно мог бы.

Они осели в небольшом кафе, заказали бутылку коньяка, благо теперь это было без проблем, и что-то поесть и, перебивая друг друга бесконечными вопросами, принялись вспоминать школьные годы.

- Помнишь, как мы на уроке химии колбу разбили, и школу пришлось эвакуировать – девчонки чихали и рыдали в голос? Директор тогда ещё выгнать тебя хотел? - вспоминал Петька.

- Почему меня же, ты тоже виноват был?- возмущенно заметил Павел Григорьевич, только тебя химичка любила и покрывала. Ты вообще в любимчиках ходил!

- Ладно, - примирительно заметил приятель,- тебе грех жаловаться, девушки-то тебя любили.

- Ясное дело, что им до твоих теорем, стихи сердцу ближе, да и чувствуешь себя особенной, когда именно тебе стихи посвящают.

- Ты что женскую психологию изучал, что с такой уверенностью говоришь?- удивился Петр.

- Разумеется,- кивнул Павел Григорьевич, но заметив, как вытянулось лицо приятеля, расхохотался и пояснил, - на практике, только на практике.

Просидев за столиком около часа, и почти допив коньяк, они перестали видеть друг в друге солидных, обремененных жизненным опытом и лишним весом людей, а почувствовали тех прежних, готовых на шальные подвиги молодых людей, которых в них давно уже никто не видел.

- Вот мы сидим сейчас с тобой здесь,- говорил Павел Григорьевич своему приятелю,- и кажется, что за окнами совсем другая Москва, и мы ничуть не изменились. Треплемся, задираем друг друга, а выйдем и все разом изменится - в метро место уступят, не дай бог еще и

девушка, дома первый вопрос как давление, не прыгало ли. И все вроде хорошо, а, кажется, все бы отдал, чтобы назад, туда, где было легко и весело и девушки иначе смотрели, да и ты сам....

Мужчина не договорил, безнадежно махнув рукой: «Что, мол, говорить, сам все знаешь». Его приятель, немного размякший от выпитого, кивал, соглашаясь, и вдруг перестал. Взгляд его с некоторым трудом сфокусировался на лице говорившего, он задумался, вероятно, что-то вспомнив, и вдруг спросил:

- Послушай, Павел, - а ты что, в самом деле, хотел бы туда, ну в наше прошлое?

- Ты еще спрашиваешь?!- удивился его собеседник.

- Тебе не страшно? - почему-то продолжал допытываться Петр.

- Что же тут страшного, это же великолепно: вдохнуть прежний воздух, ощутить почти забытые запахи, краски, лица, себя, наконец.

- Но ведь ты же не станешь собой прежним, только со стороны поглядишь...- не унимался Петр.

- Да хоть бы и со стороны, - беззаботно заявил Павел и, повернувшись всем телом к своему знакомому спросил:

- Что это ты меня Голова, пытаешь, какой в этом смысл? Может быть, ты машину времени изобрел, так колись?!

- Может и изобрел, - нехотя буркнул Петр, довольный тем не менее, что Павел вспомнил это забытое со школьных времен прозвище «Голова».

- А что же мы здесь тогда сидим? - удивился Павел Григорьевич,- коньяк пьем, время тратим. Отправь меня в это самое прошлое...

- Ты, это в самом деле? - недоверчиво переспросил Петр, - ты правда готов рискнуть?

- Что значит рискнуть? - не понял Павел.

- Ну, собой, застрять же можно где-нибудь вне времени...

- Ну и черт с ним, эка невидаль, застряну, я и в лифте застревал, и в метро...

- Ты что, не понимаешь или просто Ваньку валяешь? Застранешь не в троллейбусе, а во времени и вытянут ли тебя оттуда неизвестно.

- У тебя, что машина в одну сторону работает? - предположил Павел Григорьевич.

- Нет, в обе, но всякое может случиться. Да и людей мы пока не отправляли...

- Почему? - поинтересовался Павел Григорьевич, скорее для проформы, чем из страха.

- Желающих не было, - заметил, как бы, между прочим, его знакомый.

- Значит я первый, - констатировал Павел, - ну так это и к лучшему, зачем мне там согла- датаи?! Поманил, так отправляй! - заявил он и решительно встал, намереваясь немедленно приступить к делу.

- Послушай, так нельзя, - попытался пойти на попятную его приятель, - тебе подумать надо, может быть с семьей посоветоваться.

- Ты что, Петь, спятил, что ли? По такому поводу с семьей не советуются, это моя личная жизнь, я и только я ей распоряжаюсь, так что, если ты не соврал, то пошли, пока я не передумал.

- Ладно, - махнул рукой Петр, черт с тобой, может ты и прав - кто не рискует, не пьет шампанского, пошли.

Собственно и идти почти никуда не пришлось, научно-исследовательский институт распо- лагался совсем недалеко во дворах, в неприметном здании, там же во флигеле находилась и лаборатория, которую возглавлял Петр Михайлович и у него были ключи от отдельного входа. В небольшой комнате, чем-то напоминающей рентген-кабинет располагалось некое устрой- ство. Петр попытался было объяснить приятелю принципы его работы, но видя, что тому не интересно, не стал настаивать, а просто предложил встать перед металлическим экраном и не шевелиться.

- Послушай, Павлик, - ты еще можешь отказаться...- начал было он, но Павел Григорьевич прервал его:

- Давай отправляй, а то и правда, передумаю. Я же понимаю, что тебе эту штуковину то же необходимо опробовать, так что это взаимовыгодный эксперимент. Ты только со временем не ошибись, я рассчитываю на 1966-й, смотри в тридцатые не отправь, а то некому возвращаться будет. Да, и в координатах не напутай, чтобы я в Москву попал и лучше на Чистые пруды, иначе шансов у меня с самим собой встретиться не будет.

- Постараюсь, - глухо ответил Петр, он нервничал, - точности обещать не могу, но полагаю, что окажешься примерно в этом же месте, где мы сейчас, только на тридцать лет раньше. Я ставлю примерно час, этим временем ты располагаешь, потом вернешься, надеюсь.

- Отмотайте немного назад, Маэстро... - франтовато произнес Павел Григорьевич, вспомнив времена своей юности.

- Ни во что не вмешивайся, только наблюдай, - напомнил Петр, уже закрывая за собой тяжелую металлическую дверь.

Павел Григорьевич остался в комнате один, сразу стало как-то неуютно и тревожно. В комнате что-то тихо и ровно гудело. Голову вдруг заломило, захотелось закрыть глаза, и он закрыл, проваливаясь куда-то не то в сон, не то в нечто похожее на сон. Вынырнул обратно мужчина так же неожиданно, как выныривал иногда из сна, стоило ему случайно задремать в кресле. Он стоял посреди двора, перед табличкой с названием института - те ж покрашенные желтой краской здания, тот же пыльный газон, бесконечные майские сумерки.

- Не получилось, - догадался Павел Григорьевич, подергал на всякий случай запертую дверь флигеля, передернул плечами - его немного знобило.

- Надо чего-нибудь горячего выпить, глупо будет заболеть перед отпуском, - решил он и, выйдя из арки, не задумываясь повернул направо, намереваясь зайти в пельменную, которая была здесь всегда, сколько он себя помнил. Павел Григорьевич заказал порцию пельменей, отметив про себя, что немолодая подавальщица слишком нарочито старается соответствовать эпохе шестидесятых - не все в те годы было однозначно хорошо. Тут он только заметил, что свободных столиков в зале не было и, извинившись, присел за ближайший, испытывая неловкость от того, что придется есть в присутствии посторонних. Пельмени долго не несли, и мужчина смотрел по сторонам. Рядом с ним сидел человек с газетой, на первой странице которой Павел Григорьевич с удивлением прочел: "Советский спорт".

- Неужели это возможно? - растерянно подумал мужчина и еще раз взглянул на газету. Действительно не показалось - печать плохая, бумага серая, не то, что теперь, когда любая газета, что журнал с цветными фотографиями. Он перевел взгляд на мужчину - ничего особенного: подстрижен не ахти как, пиджак коротковат... Обвел взглядом пельменную, что-то неувлочно трогательное шевельнулось в нем, нечто похожее бывает, когда достаешь из коробки старые елочные игрушки под новый год и вдруг вспоминаешь, как та или другая появилась, кто ее принес, когда и как вешал ее на елку первый раз.

- Не надо делать такую кислую физиономию, она тебе не идет! Ты знаешь, я обещал ребятам! - услышал Павел Григорьевич, немного раздраженный голос у себя за спиной. Говорил молодой человек.

- Ну, ты бы мог отказаться, хотя бы и ради меня... - отвечал ему девичий голос, он был взволнованный, и от этого более глубокий. Павлу Григорьевичу непонятно почему показалось, что он его уже когда-то слышал, но едва ли бы мог вспомнить где, хотя имел превосходный музыкальный слух.

- Я своих решений не меняю! - с вызовом бросил молодой человек, хотя, судя по едва уловимому дрожанию голоса он уже был готов сдаться, но, вероятно, самолюбие не позволяло.

- Мы провели бы отпуск вместе, могли бы поехать куда-нибудь, хоть и к морю... - робко пыталась уговорить приятеля девушка.

- Я обещал, - талдычил тот, - мы каждый год ездим все вместе на охоту, не понимаю, почему я должен менять свои привычки, мы и так с тобой весь год были вместе.

- Вот дурак, упрямый, неужели не понимает, что девушка его просит, так и жизнь свою испортишь, - неожиданно подумал Павел Григорьевич, и обернулся к говорившим.

За соседним столиком действительно сидели двое: он заметил милое, чем-то неуловимо знакомое лицо девушки, прядь темных волос поминутно падающую на лоб, которую она пыталась заложить за ухо, большие, и при недостаточном освещении зала, кажущиеся темными глаза и молодого человека, чьи светлые волосы растрепались точно от ветра, но, скорее всего, прическа просто отражала его непостоянный характер. На юноше была водолазка, поверх которой он надел серый пиджак. В одежде девушки то же проступала милая старомодность - короткое платьице без рукавов, болеро, впрочем, Павел Григорьевич в моде не разбирался.

- В самом деле, какая проблема в том, чтобы нам отдохнуть раздельно?!- вернулся к прежнему молодой человек, не понятно зачем отстаивающий свое право на независимость.

- Мне казалось, что ты меня любишь...

- Разумеется, люблю, - согласился он, - но это же не значит, что мне отойти от тебя нельзя. В конце концов, ты имеешь такое же право на независимость, как и я, я же это твое право не ограничиваю! - веско декларировал он.

- Господи, какой самовлюбленный индюк, - думал Павел Григорьевич, исподволь изучая молодого человека, - такую-то глупость говорить девушке, неужели он, в самом деле, считает себя не заменимым?

- Знаешь, что, Павлик, может быть ты и прав, нам действительно нужно побыть друг без друга, - задумчиво произнесла девушка и это ее "Павлик" неожиданно болезненно резануло мужчину, словно она обращалась к нему.

- Где же я все-таки ее видел? - размышлял мужчина, повернувшись к соседнему столику в пол-оборота. Его взгляд скользил по лицу девушки стараясь найти какую-нибудь зацепку и, вдруг, наткнулся на родинку, маленькую темную родинку в виде сердечка.

- Не может быть, - задохнулся Павел Григорьевич, этого не может быть!

Но память уже начала работать, отматывая назад годы прожитой жизни и возвращая его в конец шестидесятых.

- Неужели же это Вера, только у нее была такая милая родинка над верхней губой.

Он еще раз взглянул на девушку: мягкие темные дуги бровей, взгляд глубокий и спокойный, свидетельствующий о том, что она знает и чувствует много больше, чем говорит, маленький упрямый подбородок...

- Так это что же, получается, - мелькнула в его голове мысль, - этот белобрысый парень я? Дать бы ему сейчас в глаз, чтобы очухался. Самовлюбленный болтун, идиот...

Забыв обо всех предостережениях, которыми снабдил его приятель, Павел Григорьевич начал подниматься со стула, намереваясь немедленно разобраться с юнцом за соседним столиком. Он почему-то был уверен, что имеет на это право, раз это был то же он, только тридцатью годами моложе. Но, то ли он поскользнулся на мокром полу пельменной, то ли случилось что-то еще, но пол качнулся ему навстречу, он попытался удержаться и рухнул, ударившись о стул.

Очнулся Павел Григорьевич на кушетке в каком-то подсобном помещении, рядом стоял молодой врач и измерял его пульс.

- Очнулись, как себя чувствуете? Вы нас всех напугали изрядно, - произнес врач, вынимая рожки фоноскопа из ушей.

- Все хорошо, - с трудом выдавил из себя мужчина, обводя глазами комнату - ни столиков с потертыми пластиковыми столешницами, ни наглого юнца, ни соседа читающего «Советский спорт» никого вокруг не было, только врач и медсестра. Павел Григорьевич собрался с силами и сел. Голова немного кружилась.

- Вы человек уже немолодой, нужно быть осторожней, - выговаривал ему врач, собирая свои незамысловатые инструменты: фоноскоп, бутылку с нашатырем, вату и как ни странно ртутный тонометр, давно вышедший из употребления. Медсестра - женщина в годах, посмот-

рела на Павла Григорьевича, будто говоря: "Я вас хорошо понимаю, но жизнь идет вперед и надо к ней как-то приспособливаться".

Они ушли, а мужчина остался сидеть на кушетке, мучительно стараясь вспомнить, что же все-таки произошло с ним, и почему он потерял сознание. Дверь приоткрылась и в подсобку заглянула Вера, именно та Вера, которой он знал ее тридцать лет назад. Глаза девушки покраснели, вероятно, она недавно плакала, движения были порывистыми, выдавая нервное напряжение. Она вошла, решительно направившись к сидящему на кушетке мужчине и, подойдя совсем близко, выпалила:

- Скажите, куда Вы Павлика дели?

- Я?!- удивился Павел Григорьевич, еще не вполне осознавая абсурдность ситуации, - да я его не трогал, этого вашего Павлика.

- Вы на него замахнулись, я же видела. А потом вдруг упали и прямо на его стул, а Павлик исчез. Что Вы с ним сделали?

- Ну и что по-вашему я мог с ним сделать? - зло спросил Павел Григорьевич, с трудом поднимаясь, - сами же говорите, что я упал, мог и сломать себе что-нибудь.

- Вы взрослый человек, в возрасте уже, а кулаками машите! - не слыша его, продолжала возмущаться девушка.

- Я за Вас оскорбился, я в отличие от Вас хорошо знаю, чем все это закончится...- раздраженно бросил мужчина и, поняв, что сказал что-то лишнее, осекся, но было поздно.

- Знаете?! Что же Вы знаете?!- наседала на него Вера, - что Вы вообще можете знать о чужой жизни?! Кто дал Вам право вмешиваться в наши отношения?!

Ее наскоки окончательно разозлили Павла Григорьевича. Он и без того чувствовал слабость и неприятную ломоту во всем теле, а тут еще это, он и не предполагал прежде, что она такая воинственная.

- Говорите, что Вы знаете! - напирала девушка. Лицо ее от волнения покраснелось, глаза блестели, темные волосы расплескались по плечам.

- Вот взять бы ее сейчас в охапку, да и поцеловать, - подумал мужчина, но вовремя остановился.

- Черт знает что она обо мне подумает, поди объясни, что я и есть ее Павлик.

- Говорите немедленно, а не то милицию вызову, - грозно заявила Вера и, поймав насмешливый взгляд мужчины, зло спросила, - надеюсь, паспорт у Вас есть?

Паспорт у Павла Григорьевича лежал в кармане пиджака, только ведь по этому паспорту он был гражданином несуществующего государства, по крайней мере, на данный момент времени и едва ли бы нашелся человек, готовый поручиться за то, что документ не фальшивый.

- Пожалуй из-за этой дурочки и в тюрьму угодить можно, надо что-то делать, - решил мужчина.

- Ладно, - кивнул Павел Григорьевич, придав своему лицу выражение раскаянья, - расскажу, только сначала сядем где-нибудь и еще, мне надо выпить, я же стресс пережил!

Девушка отступила, вероятно, раздумывая, стоит ли верить этому субъекту или все же лучше вызвать милицию. Сомнения, которые она в тот момент переживала отражались на ее лице точно облака в пруду и прочтя их Павел Григорьевич привел неопровержимый аргумент:

- Милиция Вашему Павлику не поможет, а я помогу, выбирайте...

Что-то в голосе этого господина, которого она считала причиной всех своих неожиданных бед, показалось неуловимо знакомым, успокаивающим, ей ужасно захотелось поверить ему. Собственно и выбора другого у нее не было, милиция действительно ничего не сделает, любой посетитель кафе подтвердит, что драки не было, да и этот пожилой мужчина сможет расположить к себе милиционеров гораздо быстрее, чем она - прилично одетый, такие в драку первыми не лезут.

- Ладно, - произнесла она, отступая еще на шаг назад и открывая дверь в зал, - Вы мне все расскажите, только все!

- Только то, что знаю, - уточнил Павел Григорьевич, радуясь тому, что одержал маленькую победу.

Они вернулись в пельменную, посетители в зале уже сменились, и никто не проявлял к ним никакого интереса.

- Вы, кажется, за тем столиком сидели? - спросил мужчина, указывая на свободный столик недалеко от входа, - давайте туда же сядем, Вы не против?

Они сели.

- Закажите две порции пельменей, если будем сидеть без еды, станем привлекать внимание, - объяснил Павел Григорьевич, точно был профессиональным конспиратором.

- И еще, - он немного замялся, - рюмку коньяку, голова все еще кружится.

Девушка хотела было возмутиться, но сдержалась, подошла к стойке и сделала заказ, но вернувшись, обиженно спросила:

- Вы что сами не могли заказать, это как-то не по-мужски.

- У меня денег нет, точнее есть, но другие, - признался мужчина, доставая из кармана желтую сторублевую бумажку – то небольшое, что у него осталось в кармане после встречи с одноклассником.

- Вы, фальшивомонетчик? - испугалась Вера.

- Вовсе нет, смотри, - он пододвинул купюру поближе к девушке:

- Есть надпись: "Билет банка России», водяные знаки, серийный номер купюры...

- Но тут же двуглавые орлы, а не герб СССР, - заметила девушка, это что дореволюционные деньги?

- Нет! Подожди, дай объяснить, - Павел Григорьевич не представлял, что это так сложно объяснить и теперь старался что-то придумать.

- Давай так, я тебе буду рассказывать, а ты только слушай, вопросы потом, иначе ты меня сбиваешь.

Девушка растерянно кивнула, было видно, что она совершенно ошарашена происходящим и не знает, чего ей теперь думать.

- Значит так, - начал мужчина, собираясь пригубить коньяк, который ему принесли, и с тоской глянув на тарелку дымящихся пельменей, есть ужасно хотелось:

- Мы случайно встретились с Петькой...

- Вольским? Петей Вольским? - тут же не выдержала Вера.

- Да, Вера, с Вольским, но ты обещала меня не перебивать!

Павлик сидел на кушетке в лаборатории института, в удивлении оглядываясь по сторонам. Комната, похожая на рентгеновский кабинет, в который он попадал всякий раз, когда ломал себе что-нибудь, а это происходило неоднократно, человек он был непоседливый и, что греха таить, любил покрасоваться.

- Похожа то, похожа, но, если приглядеться, то не особенно.

Он потянулся к поблескивающим в свете чудной лампы рычагам.

- Не трогай! - голос был властным и не допускал возражений.

Павел обвел комнату взглядом, прежде он рассматривал только механизмы, теперь заметил мужчину, сидящего в кресле возле письменного стола.

- Что же мне теперь с тобой - шутком гороховым делать?! - спросил его незнакомец, и Павел подумал было обидеться, но решил, что еще успеет, лучше сначала выяснить в какую такую историю он влип.

- Где я? - спросил он первое, что пришло в голову, - и что это за штуковины, почему их нельзя трогать?

- Знаешь, а я не буду тебя щадить, ты же меня не щадишь! - зло выкрикнул мужчина и вскочив с кресла нервно заходил по комнате. Свободного пространства было слишком мало и он, проходя мимо Павла всякий раз едва не наступал тому на ботинки.

- Да что Вы меня пугаете, я давно уже не маленький, не боюсь! Да и кто Вы такой, чтобы решать, щадить меня или нет?! - возмутился молодой человек.

- Кто я? А ты не видишь, что я Петька, Петька Вольский твой приятель! - мужчина перешел на зловещий шепот, чтобы не закричать, и не привлечь внимание охраны. Он вдруг потянул со стола лампу и поднес ее к своему лицу, от чего кожа на его лице стала казаться неестественно прозрачной, а черты лица размытыми.

- Петька?! - испуганно переспросил Павел.

- Что не похож? Не узнаешь школьного приятеля? Еще бы тебе узнать, ты бы и себя не узнал, через тридцать-то лет.

Молодой человек, не зная, как реагировать на выходки неизвестного субъекта, которого он определил для себя как сумасшедшего, сидел тихо, благоразумно решив не противоречить говорившему.

- Не веришь, значит, думаешь маньяк сумасшедший? - наступал на него неизвестный и Павел стал подумывать чем бы его таким огреть, если тот вдруг нападет.

Мужчина, вероятно, понял намерение молодого человека и зло расхохотался:

- Нет, голубчик, не выйдет. Ты теперь от меня зависишь, так что бить меня по голове не в твоих интересах, а бежать отсюда так и тем более.

Он опять сел в кресло, взлохматил всей пятерней волосы и теперь с этой вздыбленной шевелюрой в сумерках комнаты, действительно стал напоминать Петьку, только уж очень сильно постаревшего.

- Помнишь наш спор на улице Кирова возле книжного, ты тогда не угадал автора и должен был поцеловать первую, вышедшую из магазина женщину.

Павел вытаращил на говорящего глаза, эта история была известна только ему и Петьке, о ней он никому не рассказывал, хотя бы потому, что первая вышедшая из магазина женщина была немолодой толстой теткой и расскажи он об этом, его бы подняли на смех.

- Может быть, это Петька проболтался, - резонно заметил он, - а Вы запомнили!

- А как ты от Лильки у меня три дня скрывался, на улицу не выходил и потом...

- Ладно, не надо, - остановил Павел говорившего мужчину, не желая, чтобы тот продолжал. - Но если Вы Петька, то почему ты старый?

- Не я старый, а ты влез не в свое время! Зачем я только с тобой связался!

- Ничего не понимаю! - признался молодой человек, - можешь ты хоть что-то объяснить.

- Объяснить?! Да, пожалуйста!

Мужчина опять встал. Вот этот прибор, над которым я несколько лет работал, создает переменные электромагнитные поля. При определенной частоте, тело, расположенное внутри них, может быть перемещено во времени и пространстве....

- Машина времени?! - изумился Павел, - ты создал машину времени?!

- Что-то вроде этого, - кивнул мужчина.

- Так вот, должно быть, по глупости ума, я отправил тебя туда, куда ты хотел попасть на тридцать лет назад и поставил время возвращения. В результате, через час вернулся то же ты, только на тридцать лет моложе!

- Какой же теперь год? - вдруг севшим голосом спросил Павел, - только теперь до него стало доходить, что случилось что-то необычное, - неужели 1999?

- Да, именно - 1999. Но я не понимаю, как-ты-то сюда попал?

Павел попытался вспомнить, он даже сжал ладонями голову, чтобы лучше думалось.

- Значит так, - начал он, - я сидел с Верой, помнишь Веру?

- Помню, помню я Веру, она еще тебя бросила и правильно сделала! Но ты давай вспоминай по делу, не отвлекайся.

- Как это бросила? - взвился Павел, - да она влюблена в меня как кошка, ты говори, да не заговаривайся!

- Давай вспоминай, черт тебя дерит! - вдруг заорал на него великовозрастный Петька и Павел понял, что выяснять отношения теперь не время.

- Мы сидели в пельменной, той, что за углом, ели пельмени. Вера дулась, на меня за то, что отпуск я собираюсь провести с друзьями, хотела, чтобы с ней, но ты же знаешь, я своих решений не меняю, - опять стал сбиваться на второстепенное Павел.

- Знаю, но что дальше? - остановил его тот, кто называл себя его школьным другом.

- Дальше, я не очень помню, - признался молодой человек, - вроде как там, за соседним столиком сидел какой-то дедок, заняться ему было нечем, и он все по сторонам смотрел. Потом поднялся, и мне показалось, вроде как замахнулся на меня. Я такое скорее чувствую, чем вижу. Ну, я, наверное, отклонился назад... А дальше не помню, - признался Павел, - то ли он поскользнулся и упал на меня, то ли что-то еще...

- Ясно, - констатировал мужчина, - я же просил его не предпринимать ничего, а он еще и драку устроил, да с кем?! С самим собой, идиот! Нет, ты, Павел, не исправим.

Мужчина прошелся по комнате, вероятно, так ему легче думалось, и опять остановился перед сидящим на кушетке Павлом.

- Думаю, что вы двое совпали именно в момент возвращения, в результате тебя затянуло сюда, а он остался там, - высказал свое предположение Петр Михайлович.

- Кого ты имеешь в виду? - помотал головой Павел, который едва понимал, что ему говорили.

- Он — это ты, только через тридцать лет, - попытался объяснить Петр.

- Что же это получается, там с Верой сидит субчик, который выдает себя за меня, пудрит мозги моей девушке, а я тут...

- Именно!

- Верни меня обратно! - потребовал Павел и от нетерпения даже сжал кулаки.

- Вернуть-то я могу, но тогда Вас там окажется двое, а этого допустить нельзя, понимаешь?!

- Не беспокойся, я его оттуда быстро вышвырну, будь покоен! - заверил он приятеля. Потом о чем-то задумался и вдруг предложил:

- Слушай, а может быть не торопиться, пусть поживет немного там, а я тут, мне даже любопытно, что у вас здесь теперь, как все организовано и вообще...

- Нет уж, уволь меня, лет через тридцать обязательно все узнаешь, а теперь давай-ка отправляйся назад. Встань вон там и не двигайся, - приказал Петр.

- Я же сказал, что сначала посмотрю...- уперся Павел, вставая с кушетки.

- Ты посмотришь здесь, а он посмотрит там с Верой, ты же себя знаешь, так что не пеняй потом...- подзадорил молодого человека экспериментатор.

- Черт! Говори, что делать! Если только он, - несвязно бормотал молодой человек, - Убью.

- Умно, ничего не скажешь, - усмехнулся Петр, - остается надеяться, что тридцатилетний жизненный опыт тебя чему-то научил... Стой, не двигайся!

Петр вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Раздалось какое-то шуршание, нарастающий гул, комната качнулась. Павлу показалось, что он летит, не на крыльях, а так, без всяких усилий. Он зажмурился, стараясь побороть возникшее головокружение, а когда открыл глаза, увидел испуганное лицо Веры, смотрящей на него как на привидение. Перед Павлом стояла нетронутая тарелка уже немного остывших пельменей и рюмка коньяку.

- А ты предусмотрительна, - заметил он, стараясь шуткой вывести девушку из состояния шока, в котором она находилась - есть и в самом деле очень хочется.

- Где он?! - выдавила из себя девушка.
- Он? Кто он? Человек, что за соседним столиком сидел? Так он ушел, я только что его видел, - соврал Павел и принялся с энтузиазмом поедать остывшие пельмени.
- Ушел? Ты уверен?! А ты где был?!- напустилась она на приятеля.
- В туалет выходил, да еще позвонить надо было, я же завтра уезжаю, помнишь? -
- Значит все-таки уезжаешь? - переспросила Вера, тут же забыв обо всем остальном, - не останешься?
- Нет, я слово ребятам дал! - гордо заявил Павел.
- В его голове еще что-то немного мутилось и потому он ухватился за эту простую мысль
- что он уезжает с приятелями на охоту.
- Знаешь, а ты все - таки скотина! - выговаривал приятелю Петька, - это надо же, чуть весь эксперимент не испортил, да что там эксперимент, ты бы историю всего человечества изменить мог своим дурацким поступком. Ты ничего оттуда не прихватил? –встревожился он
- Нет, - подтвердил Павел Григорьевич, - я старался быть осторожней.
- Осторожней?! Нечего сказать, осторожней! Благодаря твоей осторожности я вынужден был здесь с твоим малолетним прототипом общаться, ну и противным же ты, оказывается, в юности был, как я тебя терпел!

Павел Григорьевич рассмеялся, не придавая словам своего приятеля особого значения, радуясь тому, что он все-таки вернулся, может быть первым из людей совершив перемещение во времени, о котором столько прежде читал. Настроение у него было замечательное. Тут он почувствовал приятное тепло, которое от желудка стало незаметно подниматься вверх, создавая какую-то непонятную тревогу, и вдруг вспомнил – вспомнил, что кое-что из своего прошлого он все же прихватил – глоток коньяка, который он случайно отпил, разговаривая с Верой.

Маленькое Рождественское чудо

Почему, не знаю, может быть потому, что новогодние праздники рожают в нас ожидание чуда и мы сами делаем все для того, чтобы это чудо случилось: отказываемся от привычного рационализма, покупаем незапланированные подарки и загадываем под бой курантов неожиданные желания, которые почему-то сбываются. Наверное, поэтому мне вдруг захотелось написать сказку о самой себе. Странное желание, не правда ли?

- Что же сказочного могу я отыскать в своей жизни? - с сомнением думала я, сквозь слипающиеся веки глядя на разноцветные огоньки новогодней елки. Казалось, что они насмешливо подмигивали мне, выхватывая из сумрака комнаты то одну, то другую елочную игрушку. Волей-неволей я вовлекалась в игру своей фантазии становясь то рыжей лисицей в ледяном домике, то золотой рыбкой, юлой, райской птицей, акробатом. Я видела, как распускается каменный цветок, слышала щелканье снегиря на большом стеклянном шаре и перезвон копытцев хрустального оленя.

- Да, чуда, конечно, очень хочется.

Утром оказалось, что вчера еще сухие, равнодушные ко всему ветви багульника покрылись бледно-сиреневыми цветами и теперь с удивлением смотрели на мир, не понимая, откуда в них столько нерастроченной нежности. Это ли не чудо?!

Приехавшие на Рождество Стеша и Варя старательно засовывали под елку шуршащие пакеты с подарками, то и дело одергивая друг друга и шепча:

- Тише, тише, бабушка услышит и не поверит, что это Дед Мороз подарки принес.

- Забавно, - думала я, пряча в Рождественский пудинг маленькие сюрпризы, которые на целый год должны были определить жизнь каждого в нашей семье, кто, разумеется, верит в рождественские гадания.

- Колдуешь? - поинтересовался муж, заглядывая на кухню, но не решаясь войти, чтобы не быть привлеченным к резанию салатов, - что ты в этом году задумала?

- Не скажу, - отвечаю я решительно, чтобы у него не осталось иллюзий, что что-то можно узнать заранее и накрываю свои диковинки рукой, словно и в самом деле я настоящая фея, определяющая будущее.

- Только, пожалуйста, - просит он, - не давай мне в этом году наперсток, лекции ужасно надоели.

- И мне то же не надо, а то либо пуговица, либо наперсток! У всех молодые люди, а мне только учебники, это, в конце концов, не честно! - поддерживает отца, появившаяся в дверях дочь.

- Я-то тут причем, это же судьба! - возмущаюсь я несправедливости их заявлений.

- Ладно-ладно, - легко соглашаются оба, никто не хочет со мной сегодня спорить и тем более сориться.

- Но ты имей в виду, что мне в этом году кольцо, - бросает, уходя дочь.

- Бабушка, я на море хочу, на Желтое, - громким шепотом извещает меня неизвестно откуда появившаяся Стеша, словно она ожидала своей очереди, - я там еще не была.

— Вот тебе на, что же мне теперь все желания исполнять? — думаю я про себя, но вкладываю в пудинг ракушку, пусть поедет на море, если хочет.

- Хорошо бы машину поменять, - как бы, между прочим, сообщает невестка, проходя мимо, и я кладу в пудинг машинку, мне не жалко.

- Не знаю, что делать, работу что ли сменить? - в задумчивости сообщает сын, - заездили совсем.

- Ты не торопись, подумай прежде, - советую я, так и должна поступать истинная мать, но мои пальца опускают в вязкое тесто вместе с цукатами и рублеными орехами игральные кости, что ж иногда стоит и сыграть, кто не рискует, то известное дело...

Наконец, я открываю духовку и собираюсь поставить пудинг печься, и только тут вспоминаю о себе, любимой:

- Что бы такое захотеть?! Ну, разумеется - вместе с оставшимся на столе изюмом опускаю в пудинг маленькую крылатую богиню — медальон, подаренный мне торговцем-египтянином, очень похожим на дервиша - без вдохновения мне никак...

Праздник идет своим чередом: блюда сменяют одно другое, горят свечи, вино в бокалах золотится, загадочно и совершенно по сказочному сияют новогодние лампочки на елке - все ждут Рождественский пудинг.

Надо же, кажется это первый год, когда никто не в претензии, каждый получил желаемое. Серебряное изображение крылатой богини лежит у меня на ладони. Судьба!

- Когда мы на море поедим? - хитро скосив на меня глаза, спрашивает у своей мамы четырехлетняя Варя, показывая ей раковину.

- А это что? - недоумевает Стеша, глядя на окружающий мир и на родителей сквозь маленькую дырочку плоской пуговицы, — это зачем?

В самом деле "зачем?" Как объяснить ребенку, что от части свободы ей придется отказаться, иначе нельзя, надо идти в школу. Девочка еще не понимает, что это значит, но при ее легком характере может быть все обойдется, бывает же такое чудо.

- Ну, слава Богу, не у меня, - облегченно вздыхает дочь, - хватит, теперь и другим потрудиться пора.

Она разламывает пудинг, с беспокойством рассматривая пестрящее крапинками изюма, кураги и орехов сдобное тесто в поисках сокровища. Мельком бросает на меня обиженный взгляд, словно это я властна дать или не дать ей желаемое, потом разламывает пудинг еще раз и с удивлением извлекает маленький ключик. От чего он - от нового этапа жизни, профессии,

неожиданной тайны, чьего-то сердца, от судьбы, наконец!? Но она довольна, а я, разумеется, рада этому.

— Вот что у меня еще есть! - сообщает Стеша, на ее ладони блестит десятикопеечная монетка, должно быть в качестве компенсации затесавшаяся рядом с унылой пуговицей.

— Это на все остальное, - говорит ее мама, с благодарностью взглянув на меня, на ее блюдечке поблескивая хромированными боками стоит крошечный кабриолет, другой машинки у меня не нашлось.

- Хорошо не паровоз, - немного обиженно вворачивает сын, - а то бы пришлось тебе на машиниста переквалифицироваться. Мне-то, что делать, с судьбой в кости что ли играть? - спрашивает он, разглядывая доставшийся ему игральный кубик.

- Почему бы и нет, давно пора на что-то решиться! - замечает невестка, вероятно, не простив ему паровоза.

- А на море нам Стешиной монетки хватит? - интересуется практичная Варя.

- Хватит, - успокаивает ее мама, - особенно если папе в кости повезет.

- Дай я кину! - радостно вопит Стеша, потянувшись за папиным кубиком.

- Я сам кину, когда надо будет, - осторожно отвечает сын, убирая кубик в нагрудный карман, - У тебя пуговица есть, вот ей и играй.

Стеша с недоумением смотрит на плоскую белую пуговицу с четырьмя дырочками, бог знает, от каких времен та сохранилась, и вдруг улыбнувшись, пускает ее по столу волчком на зависть младшей сестре, все еще сжимающей в кулачке свою ракушку. Пуговица, обойдя в вираже пару фужеров, со звоном врезалась в салатник, поменяла траекторию и покатила колесиком по столу мимо бронзовых тяжелых подсвечников, достанных по случаю из книжного шкафа пока не ударилась о тарелку дедушки.

- Нет уж, спасибо, - совершенно серьезно произнес тот возвращая пуговицу Стеше, которая ничуть не огорчилась, оставшись при своих интересах, кажется, она уже поняла, что из любого безвыходного положения есть выход и возможно даже не один. По крайней мере, с пуговицей, как и со школой, она сладит.

- А у тебя что, дедушка? - промурлыкала Варя, нежно прильнув к его локтю, так, на всякий случай.

- Бумеранг! - провозглашает тот, показывая всем крошечный кусочек пестрого пластика, изображающий бумеранг.

- Зачем он тебе? - спросила с любопытством Стеша, потянувшись за бумерангом и намереваясь, должно быть, испытать его возможности немедленно.

- Для достижения малодостижимых целей! - пояснил ребенку профессор, накрывая бумеранг ладонью, чтобы его не забрали. А я подумала, что хорошо иметь дело с умным человеком - даже если в пудинг попадет какая-либо случайная вещь, то и ее присутствие можно объяснить и даже с выгодой для себя.

- А у тебя что? - повернулся ко мне муж и тут же все семейство захотело узнать о моих сокровищах. Зависть мне была совершенно не нужна, и я успокоила присутствующих:

- Наперсток.

Старенький серебряный наперсток лежал на блюдечке возле моей чашки среди раскрошившегося пудинга.

— Вот и правильно! — нарочито громко произнес муж, видно было, что мой наперсток его порадовал, - надо же когда-то и домом заняться, не все тебе в облаках летать.

Дети, которые то же не были против того, чтобы кто-то, но не они, занимался домом, посмотрели на меня все же с некоторым сочувствием и лишь Стеша хитро улыбнулась. Она видела, что помимо наперстка, который и сам по себе имел длинную и отнюдь не скучную историю века в полтора, я нашла в пудинге маленький медальон крылатой египетской богини, который давно уже ее привлекал.

- Дашь поносить? - шепотом спросила она, когда стали разливать чай, и все отвлеклись от обсуждения перспектив на предстоящий год, - ну хоть недолго?

- Хорошо, - согласилась я, детям отказывать нельзя, дети они все немного волшебники, - только недолго.

В дверь позвонили.

— Это что же, гости? - удивился муж, но вспомнив о том, что в Рождество всякий гость от Бога, успокоился.

— Это тетя Лена, объявил сын, открывая дверь, и девочки побежали встречать гостью, в надежде, что им принесли подарок. Тут же поставили чистую чашку, подвинули вазочку с конфетами, торт - все, чтобы новопришедший чувствовал себя уютно.

- А пудинг? - удивленно спросила, устроившись за столом гостья, - пудинг съели?

В ее голосе чувствовалось некоторое разочарование, от чего стало ясно, что зашла она к нам не только затем, чтобы поздравить и, хотя всегда подсмеивалась над нашей традицией предсказания будущего, надеялась что-то узнать и для себя. На этот случай или на какой-то другой, но я испекла несколько маленьких кексов, только вот секреты в них класть доверила Стеше, надо же учить подрастающее поколение фейному искусству. Стеша, с радостью побежала на кухню и принесла тарелку с кексами, их было значительно меньше, чем прежде, вероятно, кто-то уже отдал им должное, а может быть искал утешительный приз. Гостья взяла, не глядя один из кексов, дети замерли, ожидая, когда же она его разрежет, чтобы увидеть, что там внутри, чужая судьба их не очень волновала.

- Что там? - громким шепотом спросила Варя старшую сестру, не думая, что все остальные ее хорошо слышат и тоже хотят знать, "что там?"

- Орех, - также шепотом ответила ей Стеша.

Глаза у Вари округлились от удивления и все лицо то же вытянулось на подобие буквы «о»:

- Зуб сломает...

Услышав такое, сидящие за столом, насторожились, а гостья в недоумении взглянула на меня

- Нет, - прошептала в ответ Стеша, - не сломает, я только ядрышко положила, скорлупу выкинула.

В это время нож легко стукнул по блюду, кекс распался на две части, внутри которых видны были равные дольки большого грецкого ореха.

- Что же это она во все кексы орехи засунула, как бы иначе догадалась? - подумала я, наблюдая за довольной произведенным эффектом Стешей.

- Не сломала! - констатировала Варя, теряя интерес к происходящему, сенсация не состоялась.

- И что это все значит? - поинтересовалась наша гостья, разглядывая содержимое кекса и предпочитая получить готовый ответ, а не гадать.

- Вероятно, у тебя будут трудности, но ты их преодолеешь, – смело предположил муж, вдруг выступивший в роли Сивиллы.

- И результат будет благоприятный, - добавила невестка.

- Вкусный результат, - подтвердила Варя, - у меня такой тоже был.

Вот, значит, куда подевались недостающие кексы, вероятно, и собаки полакомились, не мог же ребенок один столько съесть!

Зашел сосед, его тут же усадили пить чай. Я уже собиралась предложить и ему узнать свою судьбу, но Стеша потянула меня за рукав:

- Не надо, там ничего нет, я положить забыла.

- Да, действительно, - подумала я, хорошо бы получилось - гость загадает что-нибудь, а в кексе-то пусто, что же ему ничего и не ждать в новом году, не хорошо как-то. Я строго

взглянула на Стешу, но та лишь пожала плечами, мол: "Что поделаешь, ошиблась, я же только учусь".

К вечеру все засобирались домой, засуетились стали складывать в сумки вещи и подарки, боясь что-то забыть. Пользуясь общей суетой, уже без нарядного праздничного платья, Стеша подошла к столу, хитро посмотрела на два оставшихся кекса и выбрав один из них положила его под елку возле старенького, пережившего не одно десятилетие Деда Мороза.

— Это тебе, с Новым Годом!

- Там же пусто, - удивилась я, никак не предполагая, что можно подарить в рождество пустой кекс.

— Это в том пусто, - она указала на единственный, оставшийся теперь на тарелке кекс, - а в этом конфета, он хоть и старенький, но ему такую можно, она мягкая.

Мне стало немного неловко, не слишком ли много знает этот ребенок и как ему жить со всем этим знанием.

- Ну, мы поехали, - в комнату заглянул сын, попрощаться. Он был уже одет и держал на плече рюкзак:

- Ты довольна, опять всех заморочила?

- Наша бабушка - фея, поэтому и ворожит, - встряла в разговор появившаяся в дверях, уже собравшаяся уходить Стеша.

- Я вырасту, тоже феей буду, - объявила Варя, просовывая голову в дверной проем.

- Это мы еще посмотрим, - строго заметил сын, вытягивая детей из комнаты в коридор и обернувшись ко мне, протянул небольшое сердечко из красного фетра.

— Это тебе, а то наперсток как-то грустно, и спохватившись, что его могут как-то не так понять, добавил, - можешь на елку повесить.

Над городом

Картинные галереи всегда непредсказуемы, пойдешь посмотреть на одно, а наткнешься на другое, чего и не ожидал и что с этим своим открытием делать — не понятно.

- Вам нравится Шагал?

- Шагал? Да нет, я нахожу его несколько искусственным, придуманным. А Вам, что же нравится?

- Да, его необъяснимые фантазии, но прежде всего краски - сочные, яркие, без всяких там полутонов - живые.

- Я бы сказала кричащие, но каждый по-своему воспринимает цветовую палитру, я же предпочитаю полутона.

- От того Вы и живете в пол силы, словно боитесь себя растратить. А я вот с радостью себя отдаю! Мне не жаль.

- Отдаете? Всегда или только изредка и кому? Близким, вероятно?

- Ну, почему же только близким, всем кому это необходимо...

Мой собеседник, произнеся последнюю фразу, вдруг замолчал и молчал довольно долго, словно что-то вспомнил и это воспоминание, заставило его усомниться в только что им сказанном.

- Не знаю, как объяснить, - произнес, наконец, он, но у Вас есть какое-то удивительное свойство - заставлять людей задуматься. Может быть, Вы видите несколько больше, чем другие или скорее чувствуете, не знаю. Вот сейчас я вдруг вспомнил эпизод из своей прежней жизни, а ведь это было так давно. Нет, я не сделал ничего плохого по большому счету, скорее, чего-то не сделал. Бывает же такое?

Я пожала плечами, что на это скажешь, конечно, бывает и почти каждый что-то может вспомнить - кто муравья раздавил, зная, что это нехорошо, но тот заполз на обеденный стол,

что-то же не хорошо. Кто - то бабушку через дорогу не перевел, спешил, хотя та беспомощно топталась на пешеходном переходе, не решаясь ступить на проезжую часть. Другой, может быть, закружил девушке голову, подарил мечту, а пошел по жизни с другой. Все бывает - слаб человек и слишком много в нем страстей и желаний.

- Я как-то в конце 90-х оказался по делам в одном небольшом городке, – стал рассказывать мне Павел Григорьевич историю, которую он так и не смог забыть. В полупустом зале картинной галереи, где мы в тот момент с ним находились, она воспринималась особенно живо, даже несколько болезненно, точно касалась меня самой, хотя этого никак быть не могло.

- Нестроение, грязь, люди все в темном, не улыбочивые, лица уставшие и во всем безнадега, – говорил мой знакомый, все больше и больше погружаясь в свои воспоминания.

- Вышел я на привокзальную площадь, огляделся: ларьки какие-то с пирожками, тут же импровизированная барахолка - бабушки, что у них было вынесли продать, пенсию второй месяц не платят, какие-то челноки из недалекого зарубежья, трясут импортной джинсой неестественного цвета, сомнительного вида мужички, подрабатывающие извозом.

Я купил пару булочек себе на вечер, если не удастся найти, где перекусить и пошел вдоль рядов торговцев в город, краем глаза примечая чем торгуют. Вдруг в самом конце торгового ряда, я заметил нечто, привлечшее мое внимание яркостью красок и остановился. На двух кое-как сколоченных ящиках, поставленных один на другой, были разложены небольшие картины, написанные маслом большей частью на картоне. Меня поразило не сюжет, сюжета я даже не помню, а именно экспрессия красок, совершенно невероятная, оглушающая, я бы даже сказал первозданная. Первое, что мне пришло в голову — это, конечно, Шагал. Тогда он только-только становился известен, появились первые альбомы, поразившие меня и тут вдруг это, да где, в провинциальном городке, среди разрухи и неустроенности, привокзального мусора, хлама, в том числе и человеческого - это ли не чудо. Я стал перебирать картины, стараясь понять, что за человек их написал, зачем, для чего.

Вопросы множились в моей голове с невероятной скоростью.

- А кто автор? - спросил я мужичков, сгрудившихся неподалеку возле какой-то непрезентабельного вида сантехники.

- Да вон он, - указал один из них на человека, почему-то мной прежде не замеченного. Чуть выше среднего роста, в копчёнке и демисезонном пальтеце, явно не по сезону, уже сильно похолодало и северо-западный ветер пробирал до костей.

- Вы автор? - спросил я, видя, что он не торопится подходить, - Картины Ваши?

- Мои, - подтвердил мужчина, нехотя приближаясь ко мне, - картинами интересуетесь?

- Это Вы писали? - вновь спросил я, все еще не веря тому, что этот вполне заурядный человек, а вовсе не Шагал, писал это.

- Да, я рисовал, - признался он.

- Скажите, а творчество Шагала Вам знакомо? – задал я вопрос, который никак не давал мне покоя. Ну, в самом деле, откуда у этого провинциала такое необычное видение мира?!

- Это кто такой? Не знаю я никакого Шагала, он что, то же художник?

- Да, художник, но да это не важно. Лучше скажите, откуда у Вас краски такие яркие, где Вы их видели?

- Краски? Ну, так из магазина, там разные есть. А рисовал так, по настроению, - говорил мужчина, искоса поглядывая на меня и вдруг, прямо-таки по-детски, спросил, - Вам, правда, мои рисунки понравились?

- Какие же это рисунки, это же картины, Вы, что же не понимаете этого? – оторопел я.

- Коли нравятся, купите что-нибудь, - с той же детской хитрецей предложил этот провинциальный Шагал, и вдруг добавил, - а пока выбираете, дайте мне аванс, я тут на ветру продрог, надо бы согреться.

Я порылся в кармане и дал, человек на некоторое время исчез, но скоро появился вновь, уже более расположенный к беседе. Беседа, правда, не ладилась, человеком он, вероятно, был не слишком открытым. Единственное, что мне удалось узнать, что работал он какое-то время учителем рисования в местной школе.

- Митя, ты чего так долго сегодня, я уже волноваться начала, - услышал я встревоженный женский голос у себя за спиной и обернулся. Рядом с моим новым знакомцем стояла женщина, как мне показалось, уставшая, в накинутах словно впопыхах пальтеце и вязанной шапочке, прикрывающей не причесанные волосы.

- А, Тосечка, как хорошо, что ты пришла! - радостным пьяным голосом проговорил мой знакомый.

- А мы тут разговоры разговариваем, вот человек из Москвы приехал, моими картинами заинтересовался.

Женщина обернулась ко мне, я поздоровался, пробормотав, что-то вроде:

- Да, картины очень необычные, никак не ожидал...

Реакция на мои слова была совершенно неожиданной – женщина ожила, робко, словно не доверяя сказанному братом, улыбнулась и спросила:

- Вам, в самом деле, Митины картины понравились? Вы что-нибудь купите? - и заметив мою растерянность совершенно неожиданно предложила:

- Пойдемте к нам, дома и другие картины есть, там и выберете, а то уже темнеет, не видно. Мы здесь недалеко живем.

И спохватившись, спросила:

- Вы не торопитесь?

Я не торопился, вечер нужно было чем-то занять, и перспектива провести время за рассматриванием необычных картин была не худшей. Да и любопытно мне стало, что за человек такой этот провинциальный Шагал, как про себя я стал называть местного художника.

Разумеется, это была хрущевская пятиэтажка, выглядящая обнаженно-уныло в ноябрьских сумерках. Подъем на пятый этаж замызганного подъезда оптимизма мне не прибавил, и я уже начал сожалеть, что согласился. Квартирка то же оказалась маленькой и довольно тесной - одна комната проходная – почему-то определяемая как зала, другая - узким пеналом, изолированная, совмещенный санузел и кухонька метров пять - семь. Я испросил у хозяйки разрешения помыть руки и оказавшись один среди белого кафеля задумался:

- Зачем мне все это: зачем лезть в чужую, вероятно, не слишком счастливую жизнь, тревожить людей своими расспросами, не лучше ли извиниться и уйти немедленно. Приняв, наконец, решение, я вышел из ванной и ничего не смог произнести - передо мной стояла не та, кое-как одетая, перепуганная женщина, а симпатичная молодая особа. Она переоделась, причесалась и узнать ее было трудно: большие, серые глаза смотрели на меня с нескрываемой надеждой, светло-русые волосы, предоставленные сами себе, рассыпались по хрупким плечам, шерстяное трикотажное платье плотно облегалo стройную фигуру и удивительно шло ей.

- Идите к столу, - просто пригласила Антонина. Не знаю, что я ожидал увидеть, но меня отчего-то поразила вкус хозяйки, с которым была подобрана посуда и накрыт стол. На столе не было никаких деликатесов, но то, что было подано, выглядело привлекательно. За столом говорила в основном Антонина, Митя после бокала вина подремывал в кресле.

- Давно Ваш муж пишет? - спросил я, желая прояснить ситуацию.

- Муж? - удивилась она моему вопросу, потом, догадавшись, что я имел в виду, пояснила - он мне не муж, я не замужем, Митя мой брат. Мы живем вместе.

И Тося, как называл ее брат, рассказала мне довольно грустную историю их жизни. Я не останавливал ее, лишь изредка задавая вопросы, надеясь все же понять, как у провинциального мальчика сложилось такое необычно-яркое видение мира, присущее скорее жителям тропической Африки или Латинской Америки.

- Знаете, - доверительно говорила Тося, - наша мама умерла довольно рано, и отец все заботы по дому возложил на меня, сам он много работал, нас надо было поднимать. Митя был младшим, я о нем всегда заботилась, да и как иначе, он с самого детства был тихим, застенчивым мальчиком и, когда только было можно, рисовал - карандашами, мелками, ему было все равно. Когда появились фломастеры, я купила ему большой набор, а он разрисовал всю квартиру, так что, когда отец вечером пришел, то отказывался заходить. Потом походил, посмотрел и неожиданно предложил:

- Раз ему так нравится рисовать, так отведи его в рисовальную школу, может быть художником станет.

Я отвела, но Митя недолго там проучился - у него уже тогда было свое видение, и он никак не хотел его менять, а требования преподавателей просто игнорировал. Разумеется, его отчислили за неуспеваемость. Правда, Митю это не огорчило, он продолжал рисовать, научился писать красками - всегда выбирал самые яркие, сочные, жизнерадостные. Когда среднюю школу кончил, собрался и поехал в Москву в Суриковское училище.

Это меня заинтересовало, я стал расспрашивать, но Тося сама мало что знала, только по рассказам брата, а тот, вероятно, был немногословен. Он рассказал, что приняли его в училище хорошо, говорили о новых веяниях в живописи, об обновлении форм, а потом, уже на экзамене, когда просматривали привезенные Митей работы, какая-то преподавательница, как он говорил «сухая точно сучок, с прилизанными волосами», заметила, обращаясь к своим коллегам:

- Не кажется ли Вам, что мальчик работает под Шагала?! А Вы, товарищи, в курсе, что Шагал это не безобидный фантазер, у которого люди по воздуху летают, он расписывал парламент не дружественного нам государства!

На этом обсуждение завершилось, Митю в училище не приняли, и он вернулся домой.

- Брат очень переживал, - говорила Тося, - интересовался, кто такой Шагал, на которого он похож, он ведь его работ не видел, да и откуда бы ему было видеть. Уже потом, когда появились альбомы, я ему купила в подарок такой альбом. Митя посмотрел один раз и больше не открывал. А вот Модильяни ему очень понравился, я даже не ожидала.

- Тося, - разбудил он меня как-то среди ночи, — это же я так вижу, понимаешь, я? А Модильяни-то шестьдесят лет назад писал! Я, что же опять опоздал?! Я всегда опаздываю, у меня ничего не выйдет!

— Вот, после того случая он и стал ходить на вокзальную площадь - мол я неудачник и место мне среди неудачников. Да и пить потихоньку начал, а раньше совсем не пил.

- Да кто же его картины на рынке купит?! - удивился я, - там натюрморт какой-нибудь несложный, цветочки в вазочке - то, что понятно каждому, что дома на кухне повесить можно, а его картины совсем другое.

Тося смотрела на меня печальными все понимающими глазами и мне стало неловко.

- Знаете, я его устраивала в школу рисование преподавать, так он же не может преподавать рисунок, он же революционер, он против всяких правил, так что пришлось уйти, в школе методика требуется, а Митя пишет, как Бог на душу положит.

Я понимающе кивал, потом вдруг вспомнил:

- У Вас же в городе хорошая картинная галерея, он не пробовал туда устроиться?

- Да, одно время работал экскурсоводом, но не долго, - сообщила женщина.

- Почему? - удивился я, не понимая, что могло помешать человеку искусства работать в "храме" искусства, но Тося пояснила.

- Митя водил экскурсии, но его оценка картин, представленных в галерее, была, мягко сказать, излишне оригинальна, и большей части посетителей не понятна, так что ему пришлось уйти по собственному желанию, с тех пор он на вокзале, - подвела она итог недолгой карьере брата.

- Хотите, я Вам покажу его картины? - вдруг спросила женщина и тут же, поднявшись, направилась в соседнюю комнату. Комната была небольшой, метров десять - двенадцать, сплошь заставленная и завешанная картинами, написанными большей частью маслом на картоне, который был значительно дешевле холста, иногда на куске оргалита или бумаге, но уже гуашью.

- Видите, - произнесла Тося, показывая мне на картины, - он все время пишет, а денег на краски нет, ничего не продается. Я, конечно, работаю, в РАННО методистом, но денег едва хватает нам двоим на жизнь. Не знаю, что делать!

Я быстренька подсчитал в уме сколько у меня с собой было денег и что из них я могу потратить на картины и сказал:

- Если Вы не против, я бы купил у Вас картину, вот эту, - я указал на небольшой лист картона размером в А-4, который мог бы поместиться в мой портфель. Написанная яркими сочными красками, то ли танец, то ли какое-то кружение, картина сразу привлекла мое внимание.

Тося согласилась, ей, вероятно, было все равно, что я выберу, и я передал ей деньги, большую часть того, что у меня имелось. Сумма ее удивила, судя по всему, они действительно нуждались.

Распрощавшись с хозяйкой дома, Митя по-прежнему спал, я положил картину в портфель и пошел в гостиницу. День уже почти закончился, а на следующий меня уже ждала работа, ради которой я и приехал в этот город. Командировка предполагалась короткой, вечером следующего дня я собирался уехать обратно, а потому все время вынужден был носить с собой свой портфель, со всем его содержимым, что было крайне неудобно. Именно поэтому, доставая какие-то служебные бумаги и боясь их потерять, я вынул в одном из присутственных мест купленную мной накануне картину, не подумав, что она может привлечь чье-то внимание.

- Что это у Вас? - услышал я, но убирать картон обратно и делать вид, что ее не было, казалось неудобным, человек, заинтересовавшийся картиной, был довольно крупным чиновником местного масштаба.

- Картина, - признался я, протянув ее человеку, - купил у вас в городе на привокзальной площади.

- Какая интересная картина, необычная, - говорил он, разглядывая сияющую яркими сочными красками Митину фантазию, вероятно нашедшую в нем какой-то отклик.

- А не подарите ли Вы ее мне, если она для Вас не особенно ценна?

Предложение было неожиданным, отказывать мне было неудобно, расположение этого человека помогло бы мне решить некоторые свои вопросы, и я ответил:

- С радостью ее Вам подарю, мне она, в сущности, и не слишком нужна, купил по случаю. Но если Вам нравится, пожалуйста, оставьте себе.

Мужчина благодарно мне улыбнулся, было видно, что он доволен подарком и тут же, сняв со стены какую-то фотографию, повесил на освободившееся место Митин шедевр.

Инцидент был исчерпан, мне тогда казалось, что я принял правильное решение, но, вероятно звезды или кто-то там, наверху, думал иначе.

- Почему, - спросила я, желая знать мнение рассказчика, сама-то я почувствовала это сразу: ничего, не сказав о несчастном художнике, загнанном судьбой в угол и тихо спивающемся, даже не попытавшись замолвить о нем слово перед высоким начальством, интересующимся живописью, мой знакомый отчасти ограничил этим себя.

- Не знаю, - нехотя произнес мой собеседник, - но мне почему-то было неловко, будто я отдал частицу, доверенной мне жизни. Хотя и купил-то я ту картину большей частью из желания помочь Тосе, я же не коллекционер. Да, вот видите, столько лет прошло, а я все помню...

То ли намереваясь, закончить рассказ, то ли действительно, что-то не давала ему покоя, Павел Григорьевич, вновь вернулся к началу нашего разговору:

- Значит, Шагала Вы не любите?

- Нет, Шагала не люблю, - вторично призналась я, - за исключением, может быть одной его картины – «Над городом», ту, где двое - мужчина и женщина летят над провинциальным городком, ну как Ваши знакомцы - Митя и Тося и ничего им не страшно.

- Вы думаете? Я был бы рад этому, - Павел Григорьевич улыбнулся какой-то далекой совсем незнакомой улыбкой, предназначенной, вероятно, не мне, а им.

Почти волшебная сказка

Стеша и Варя ходили по комнатам, собирали уснувших на зиму бабочек, надеясь, что те проснутся на солнышке, но бабочки не просыпались и тогда Варя стала хныкать, как обычно хнычут маленькие девочки:

- У нас ничего не получится, бабочки не проснутся, они умерли, весны не будет...

- Неправда, - возмутилась старшая сестра, - весна обязательно придет!

- Как же она без бабочек придет? Без бабочек это не настоящая весна! – протестовала младшая.

- Ну хорошо, если без бабочек весна не настоящая, тогда давай их нарисуем. Солнышко увидит, что бабочки уже прилетели, станет греть сильнее и весна придет.

Разыскав несколько листов бумаги девочки, принялись рисовать бабочек - больших и маленьких. Потом принесли акварельные краски и раскрасили их в самые яркие цвета, какие у них были. Последним бабочкам красок не хватило, и они остались белыми, с цветными пятнышками на крылышках, но это то же было красиво.

- Веточка, миленькая, хорошая, опустись пониже, мы бабочку посадим, она такая красивая, тебе понравится, - просила Стеша, стоя возле яблони, чьи ветви поднялись слишком высоко.

- Солнышко увидит бабочку, обрадуется и станет тепло, у тебя листики распустятся, - вторила ей Варя.

Яблоня в удивлении смотрела на детей, вздыхала, поскрипывая темными ветвями и думала:

- Какие странные маленькие девочки, все-то им неймется, неужели они считают, что весну можно привлечь вот такими нарисованными бабочками?

Яблоня была старая и почти не верила в чудеса.

Тогда Стеша предложила приколоть бабочек на куст барбариса:

- Он же колючий, у него иголочек много, бабочек ветер не сдует.

Так они и сделали и круглый точно большой колючий шар куст барбариса, казавшийся после зимы серым, унылым и совсем неживым, вдруг запестрел разноцветными крылышками бабочек - став похожим на большой шарик мороженого, и вместе с ним все в саду сразу оживило. Даже соседи, проходя мимо забора останавливались и в удивлении спрашивали: «Что это у вас там, неужели бабочки?»

- Да! - весело кричала Стеша, размахивая руками и радостно бегая по поляне, - у нас бабочки!

- Мы весну ждем, - поясняла Варя, пристроившись на садовой скамейке недалеко от барбариса, — вот увидит, что бабочки вперед нее прилетели и придет.

«Ну-ну», - говорили осторожные соседи и шли дальше по своим соседским делам, но где-то внутри них веселой разноцветной бабочкой порхала улыбка, потому что даже самые взрослые люди когда-то были маленькими мальчиками и девочками, только немного об этом забыли.

- Стеша, Варя, идите обедать, - позвал их папа.

- Не можем, мы весну ждем, - ответила Варя серьезно.

- Она что, без вас не придет? - удивился он, как удивляются все взрослые люди не понимая, что без их участия ничего произойти не может, надо хотя бы захотеть.

- Нет, без нас не придет, - уверенно поддержала сестру Стеша. - Она и заблудиться может, - добавила девочка на всякий случай, хотя и не была уверена в том, может ли Весна заблудиться.

- Хорошо, - согласился папа, поняв, что детей не переупрямить, - давайте ждать вместе, возьмем еще маму, дедушку и бабушку, тогда она точно мимо нас не пройдет

- Еще Альфа и Хантера, - решительно заявила Варя, я без них не хочу.

- Всех возьмем, - согласился папа, - только ждать будем дома, а то уже темнеет. Да, вы можете из окна смотреть, из окна даже удобнее и лучше видно.

Предложение было с воодушевлением принято, ко всему прочему из дома вкусно пахло чем-то печеным. Озябшие дети побежали на перегонки по лестнице, сообщить всем, что они теперь не просто обедают, а ждут весну. Девочки время от времени выглядывали в окно посмотреть, не пришла ли весна, но за окном было темно, стало ясно, что до утра она точно не придет и можно спокойно ложиться спать.

- Послушайте, - заметила бабушка, когда детей уложили, - что же мы будем делать, если завтра ничего не случится, это же будет трагедия!

- Ну почему же не случится удивился папа, всегда что-нибудь случается и чаще хорошее, он с улыбкой посмотрел на стеклянную банку с собранными детьми по всему дому спящими бабочками. Банку кто-то поставил недалеко от печки и теперь, когда печку затопили, в банке наблюдалось некоторое оживление - бабочки, разбуженные теплом, просыпались, встряхивали онемелыми крылышками, разминали их после долгого сна.

Утром, когда дети, едва проснувшись, бросились к окну: солнце, пронзая насквозь подернутые зеленоватой дымкой ветви деревьев, вчера еще совсем темные, во всю хозяйничало в саду, чертя на садовых дорожках, на траве, на рассыпавшемся вокруг песочнице песке, замысловатые подвижные тени, по-весеннему невесомые и прозрачные. А над крокусами, над раскрывшимися за ночь малиновыми соцветиями бадана, над синеватыми колосками холодноватых гиацинтов порхали настоящие бабочки - то ли ожившая детская фантазия, то ли действительные вестники пришедшей весны.

- Ура! - завопила Стеша, стараясь подпрыгнуть как можно выше, чтобы охватить взглядом весь сад, - весна пришла!

- Мы ее ждали, вот она и пришла, - более основательной Варе нужно было подвести базу.

- А где же наши бабочки? - с подозрением спросила она, заметив голый куст барбариса, вчера еще украшенный пестрым соцветием бумажных бабочек.

- Они ожили! Вот здорова, ожили! Видишь, летают, вон там над цветами?! - расплескивала слова радостная Стеша.

- Ожили?! - Варя недоверчиво посмотрела на взрослых, хитро прищурила глаза и вдруг заявила:

- Тогда давай оденем платья, мама обещала, что, когда весна придет, нам в платьях гулять разрешат.

И Варя решительно двинулась к шкафу намереваясь выбрать самое нарядное летнее платье, чтобы ни в чем не уступать по красоте порхающим по саду бабочкам.

- Послушай, - обратился их отец к своей маме, дождавшись, когда дети уйдут из комнаты,

- Ты не могла бы вынуть пару заноз, твой барбарис ужасно колючий, зачем его только посадили.

Защита Нимцовича

Я искала в Гугл «Защиту Лужина», хотелось перечитать, даже не знаю почему, сюжет я неплохо помнила, но что-то в нем не давало покоя. Так порой бывает, когда что-то не услышишь, промахнешься, как незначашее, а потом думаешь, «может быть это было для меня очень

важно» и маешься. В данном случае во мне засела фраза «нежно запела струна», относящаяся к чему-то связанному с шахматами и никак в моей голове с этими шахматами не сочетающаяся. Нужно было взять томик Набокова и пролистать роман, но лесть в книжный шкаф, переполненный книгами, я не решилась, да и зачем пролистать можно и в Интернете. Вот тогда я и набрала в Гугл "Защита Лужина" и, как всегда, вывалилась куча всего не относящегося к запросу. По ошибке я нажала на первый попавшийся сайт, оказалось шахматного форума. Надо было бы сразу уйти, но я осталась удивленная нечеловеческим языком переписки - все больше символы и знаки, в сочетании которых нормальному человеку было не разобраться. Но больше поразило меня то, что у шахматистов за всем этим не читаемым мельканием шахматных координат скрывались настоящие человеческие эмоции, которые нет-нет, да и проскакивали неожиданной искрой, намекающей на то, что где-то есть и пламя.

- Вы в шахматы играете? - вопрос задал сосед, сидящий через стол от меня. Скорый поезд "Ласточка" уже миновал Тулу, но ехать было еще не меньше двух часов. Книгу я дочитала, за окнами вагона темнело, и любоваться пейзажем было невозможно, стекло отражало все тот же вагон только вывернутым наизнанку. Так что оставалось только скучать или дремать, но ни того, ни другого не хотелось.

- Играю, только самую малость, признаюсь, что играла последний раз не помню когда.

- Ну, это пустяки, - заверил меня сосед, доставая отнюдь не портативную шахматную доску и высыпая из нее знакомые с детства черные и белые деревянные фигурки.

- Если играли, вмиг все вспомните, это же, как на велосипеде - довольно на него сесть, а уж дальше не упадешь.

Сравнение меня удивило.

- Ладно, давайте попробуем, - согласилась я, а про себя подумала: «ну проиграю, не корову же», как говорил кто-то из моих знакомых. Мне достались черные, чему я была несказанно рада.

Сосед, ободренный моим согласием, и радуясь возможности себя чем-то занять, без долгих размышлений передвинул пешку на d4. Не вполне понимая, что нужно теперь делать, я пошла конем на f6, конь мне всегда нравился своей непредсказуемостью даже в шахматах.

Мужчина улыбнулся, вероятно, обрадованный не столько моим ходом, сколько тем, что я помнила, как ходить конем, представился:

- Анатолий.

Был он старше меня, но подтянут и, судя по всему, особого дискомфорта от своего возраста не испытывал.

- Татьяна, - отозвалась я из вежливости не называя отчества, хотя фамильярность мне претит. - Я и сам давненько шахмат в руках не держал, заметил сосед, передвигая другую пешку на c4.

- Откуда же у вас шахматная доска в сумке, если вы не заядлый шахматист? - поинтересовалась я, передвигая пешку на e6, надо же было что-то двигать, а рисковать не хотелось.

- Да так, к приятелю еду в гости, а он любитель шахмат, вот и подумал, чем у меня на полке пылиться, пусть у него будет, он еще кружок по шахматам в школе ведет, а там, обязательно что-нибудь да теряется.

Говоря все это Анатолий скакнул конем на c3 и мне тут же захотелось воспользоваться моментом и пригвоздить этого прыгуна к месту - я передвинула слона, который был уже свободен на b4, осознав вдруг, что угрожаю белому королю. Сосед посмотрел на меня удивленно и защитил своего коня ферзем, поставив его на c2 показывая, что разгадал мой маневр.

- Ну-ну, - произнес он, улыбаясь, - а говорили, что не помните, как фигуры ходят.

Я, польщенная его похвалой двинула вперед пешку на d5 и тут же ее потеряла. Пешку было жаль, но у моего шахматного противника образовалась сдвоенная пара, а как я помнила,

это было скверно. Мы сделали еще несколько ходов, вдруг Анатолий остановился, поднял на меня глаза и спросил:

- Вы, в самом деле давно не играли, или это развод?
- Разумеется, не играла, разве это не видно, хожу как попало.
- В том то и дело, что не как попало, а в соответствии с защитой Нимцовича.

Тут уж удивилась я:

- Что Вы говорить, какой защитой?
- Нимцовича, был такой шахматный теоретик в 20-е, он разработал комбинацию, которая и получила название защита Нимцовича, ее многие гроссмейстеры потом использовали.

- В самом деле? - протянула я, вспоминая интернетовский форум, на который случайно попала, может быть и не случайно.

Мой сосед как-то сник, мне стало неловко, так что я попыталась объяснить ситуацию.

- Знаете, я недавно в интернете выскочила на какой-шахматный форум с разбором вот именно этой самой защиты, наверное, запомнила какие-то ходы, у меня зрительная память неплохая.

- Может быть и так, - задумчиво произнес Анатолий глядя на свое отражение в стекле электрички, но что он там видел, сказать сложно.

— Вот странно, я ведь и в шахматы перестал играть из-за Нимцовича, а сегодня взялся и опять она, точнее Вы.

Сказанное показалось мне странным, какая-то шахматная комбинация, ну даже проигрыш, неужели это так значимо, - рассуждала я, как человек играющий в шахматы от случая к случаю и для развлечения. Сосед заметил мое любопытство и поскольку продолжать игру не получалось, произнес:

- Дело давнее и вероятно, не защита Нимцовича, как таковая была тому причиной, могла быть и Сицилианская, например, но Нимцовича она более скрытая, незаметная, ее, если шахматной теорией не интересуешься и не распознаешь вовремя. Ну да ладно, лучше я расскажу, раз уж вспомнил, Вам, может быть, это даже интересным покажется.

Я не протестовала, мне нравится, когда люди что-то рассказывают, тогда, по крайней мере, они не спрашивают, да и слушать историю о шахматах лучше, чем проигрывать шахматную партию, а что я в конце концов проиграю, сомнений не было. К тому же мне показалось, что Анатолию хотел кому-то это рассказать, скинуть с себя эмоциональный груз вдруг всплывших воспоминаний.

Сосед по-прежнему смотрел в окно, похожее скорее на большое темное зеркало, но видел вероятно совсем не то же, что я. А я видела немолодого мужчину в вышедшем из моды пиджаке и голубоватой сорочке, что скорее всего говорило о том, что он прежний министерский работник или преподаватель, обычные пенсионеры в гости к приятелю в пиджаках не ездят. Оторвавшись, наконец, от окна, и убедившись, что я его слушаю, он начал.

- Было это давно, я был молод, даже очень молод, с увлечением играл в шахматы, интересовался шахматной теорией, и сам разыгрывал партии, когда было время. Мои родственники жили в небольшом подмосковном городке, где я часто бывал, особенно летом, когда хотелось быть поближе к природе, а там, даже городской парк был частью прореженной рощицы с протоптанными, большей частью самими гуляющими, тропинками. Но все как положено – танцплощадка с оркестром пожарной команды по вечерам, площадка для городков, где мужики вечерами собирались поразмяться и шахматный павильон, для интеллектуалов. Впрочем, в карты и домино то же играли. Я там бывал, но играл редко, честно говоря, в то время меня больше привлекала танцплощадка.

В один из своих приездов, это были каникулы, я только что сдал экзамены и собирался задержаться на несколько дней и началась эта шахматная история. Была пятница, в воздухе парило, и вечер обещал быть душным, так что дома сидеть не хотелось, я пошел в парк в

надежде встретить кого-нибудь из знакомых. Танцплощадка пустовала, поэтому я прошел по дорожке дальше, к шахматному павильону, где за несколькими столами сидели немногочисленные завсегдатаи. Меня привлек тот, что стоял в отдалении, вокруг него толпились люди, кто-то даже записывал ходы, явный признак того, что шахматная партия была интересной.

Анатолий сделал глоток из пластикового стаканчика, похоже, рассказ давался ему непросто.

- Играли двое - один явно местный, я встречал его и прежде, а вот другой, вероятно, приезжий был одет довольно необычно и для этого городка, и для летнего сезона, да и вообще.

Глянув на меня мельком и заметив, что я его не понимаю, сосед пояснил:

- Ну, представьте себе немолодого, даже скорее пожилого человека, в черной пиджачной паре, пусть и несколько потертой, но все еще внушающей уважение, да еще и в манишке, и это среди местных мужиков, не слишком уделяющих внимание своей внешности.

Из любопытства я затесался среди зрителей и стал наблюдать. Человек в костюме играл хорошо, определенно лучше местных «гроссмейстеров» и играл на деньги, по маленькой – партия - рубль. Рубль по тем временам, да еще и для провинциального городка деньги неплохие - день можно было прожить безбедно, но шахматисты народ страстный...

- Никогда не слышала, чтобы шахматистов называли людьми страстными, мне казалось, что они почти киберы, - не удержалась я от замечания.

— Это Вы напрасно, то, что человек логически мыслит еще не означает, что он машина. Да пусть бы даже и машина! Вы не замечали, как бывает - попадет пластинка царапиной под иглу и игла, вместо того чтобы соскочить и проиграть мелодию с пропуском, бьет и бьет в одно место, желая восстановить справедливость.

- Что ж, по-вашему, шахматисты то же, что и картежники?

- В страстности определенно, только их страсть не очевидна, она внутри. Этим-то приезжий и пользовался, вероятно, зная психологию - проиграв, человек через некоторое время, пусть и на следующий день, через день, но попробует выиграть.

- Хотите сказать, он хитрил?

- Нет, играл приезжий честно, в том смысле, что ничего не подтасовывал, но было видно, что он классом выше тех, с кем играл и, когда местные самоучки шли по целине, он пользовался известными ему комбинациями.

- Разве это возбраняется, не для того ли и существует теория?

- Все так, но мне тогда показалось, что он за счет своего знания, людей обирает, вот я и стал наблюдать за его техникой и манерой игры, на всякий случай.

- Значит у шахматистов есть стиль?

- Разумеется, человек едва ли может поменять свой характер, так что он проявляется во всем, в том числе и в шахматной игре. Но меня интересовало, какие партии он предпочитает.

Приезжий заметил, что я наблюдаю за игрой, и насмешливо поклонился, мол "уважаю интерес молодежи". На другой день, в субботу я снова пришел к шахматному павильону, там уже играли. Все тот же человек в пиджачной паре и местные шахматисты, чье число, как ни странно, не уменьшилось. Приезжий, человек он, судя по всему, был внимательный, вновь выделил меня из стоящих вокруг стола зрителей и кивнул. Играл он хорошо, партия занимала минут десять-пятнадцать, после чего очередной мятый рубль перекочёвывал к нему, и кучка бумажек возле него росла. Мне хотелось сыграть с ним, но я не решался и оставался зрителем. Из любопытства я спросил, стоящего рядом мужчину, что за птица играющий и получил ответ, который мне ровным счетом ничего не дал: «Какой-то тип из Москвы, приехал вроде к больной тетке, хотя сколько лет должно быть той тетке, когда из него самого песок сыплется».

В воскресенье я снова зашел к шахматистам, но вероятно слишком рано, потому что застал там только приезжего.

- А, молодой человек! Я заметил, Вы зачастили, в шахматы играете или так, наблюдаете за мной? - спросил он несколько раздраженно.

- Немного играю, - ответил я уклончиво.

- Похвально, похвально. Не часто в наше время можно встретить молодого человека, интересующегося шахматами, - заметил приезжий, но было件нятно, что состояние молодых умов его нисколько не волнует.

- Что ж со мной то же сыграете? - поинтересовался он.

- Может быть, и сыграю, - играть мне по-прежнему не хотелось. Нет, я не боялся проиграть, к тому же уже заметил, что приезжий делает ошибки, вероятно теорию он читал давно и полагался на память, но с возрастом память слабеет.

Стали подходить другие шахматисты, кто-то на новенького, а кто-то желая отыграться, предполагая, что если бы не досадный зевек, стоивший коня или слона, то прошлая партия непременно была бы им выиграна. Я в игру не вмешивался, продолжая наблюдать со стороны.

- Среди нас есть юноша, никак не решающийся сыграть, - вдруг услышал я голос приезжего, - Давайте дадим дорогу молодым. Вы как, молодой человек, сыграете?

Вызов был брошен, и мне оставалось только его принять.

- Как будем играть, по рублю, как все, или...?

Желание задеть меня, приравняв ко всем, что в молодости просто невыносимо, сработало и я поддался на его уловку:

- Ну почему же, можно повысить ставки. Ну, например,...- я собирался предложить трешку, но кто-то из наблюдателей задиристо выкрикнул:

- Ему и десятку ничего не стоит поставить.

Приезжий насмешливо следил за мной, ожидая, вероятно, что я пойду на попятную, не имея денег на ставку и буду посрамлен.

Я молча достал десять рублей из кармана брюк, для меня это были немалые деньги, но поставить их было делом чести. Приезжий усмехнулся и положил на стол свои.

Рассказчик посмотрел на меня, словно только теперь поняв, что я его слушаю, прежде его взгляд был обращен скорее внутрь, в прошлое, да и рассказывал он не столько для меня, сколько для себя самого.

- Мне достались черные, так же, как и Вам, - заметил Анатолий, вплетая теперь и меня в свой рассказ, в сумерки, тянущиеся ровным полотном за окном вагона, в дремотную тишину самого этого вагона, давно уже миновавшего Тулу. От того, вероятно, и возникало во мне ощущение сопричастности и даже соучастия со всем происшедшим Бог знает в какие давние годы - на стоящей между Анатолием и мной шахматной доске все еще красовались черные и белые фигуры, выстроенные в замысловатой защите Нимцовича.

- Ну, что было дальше, можно догадаться, - несколько печально заметил мой сосед, тем не менее, продолжив рассказ.

- Приезжий решительно двинул вперед пешку на d4, я подготовленный к его манере игры решил выстроить защиту Нимцовича, которая поначалу совершенно не заметна для противника, в этом ее сила и пошел конем, как Вы понимаете, на f6. Приезжий это проглотил, приписав моей неуверенности и двинул вперед другую пешку на c4. Я, желая не разочаровывать противника, поставил свою скромно на e6. Дальше мне, пользуясь невниманием противника, удалось выстроить полную защиту Нимцовича, разыгранную Романишиным. Я даже без сожаления пожертвовал фигурой, зная, что результат оправдает потерю. Казалось бы, все было за то, чтобы я радовался, но что-то этой радости препятствовало, и я даже подумал, не свести ли партию к ничьей, но приезжий, заметив мои колебания, истолковал их иначе, решив, что я запаниковал.

- Что ж молодой человек, сомневаетесь, не бойтесь, ничего страшного не произойдет, смелее, смелее, или Вы, быть может, хотите забрать деньги и отказаться от игры?

Его замечание меня разозлило и вместо того, чтобы отшутиться, я заносчиво бросил:

- Почему же забрать, напротив, я предлагаю увеличить ставку...

- В два раза? - иронично поинтересовался мой противник?

У меня в кармане была еще десятка, отложенная на отпуск, но вопрос был поставлен так, что не повысить ставку я не мог. Поэтому я вынул мятую десятку и бросил ее на стол. Приезжий собрал разбросанные перед ним рубли и сложил их рядом с десяткой кучкой, показывая, что принял мою ставку. Впрочем, скоро он понял, что поторопился.

- Через четыре хода я поставлю Вам мат, - заявил я, своему противнику.

Тот усмехнулся, но посмотрев на доску внимательней, вдруг переменялся в лице, стараясь что-то вспомнить, это ему, вероятно, не удалось.

Через четыре хода, как и обещал, я поставил злополучный мат.

- Вы давно не читали теорию, память надо освежать, - язвительно заметил я забирая со стола деньги. Эйфория победы и выигрыш, который был для меня весьма кстати, сделали меня не наблюдательным, тем не менее, я заметил, что мой противник как-то разом переменялся, осознав свой проигрыш. Передо мной сидел - усталый, ссутулившийся старик с потухшим взором и мучительно, что-то припоминал. Я по молодости приписал все исключительно проигрышу, подумав про себя:

- Пусть знает, каково это, он-то без сожаления всех обыгрывал, поделом.

- Защита... Нимцовича... - вдруг произнес приезжий и стало ясно о чем он все время думал, - Вы разыграли защиту Нимцовича?! Какой же я идиот! Боже мой, какой идиот!

Приезжий встал и не глядя на меня, ни с кем не попрощавшись, пошел прочь. Я ждал поздравлений, одобрительных возгласов, как обычно бывает в таких случаях, но не дождался. Люди расходились, не обращая на меня никакого внимания, точно меня и не было. Лишь один, с которым мы несколько раз играли в шахматы, приостановился и хмуро глянув на меня сказал:

- Мальчишка! Ну и зачем ты это сделал?!

Я и сам уже начал понимать, что сделал что-то не то, что-то гадкое, словно я хотел этого старика раздеть, а в результате сам оказался гол. Раздосадованный на самого себя, на обстоятельства, на всех этих шахматистов, которых обирали, а они даже не порадовались тому, что их тиран развенчан, я пошел по парковой аллее, по которой недавно ушел приезжий. За поворотом дорожки на скамейке, сидел человек. Я даже не сразу узнал в нем того франтоватого шахматиста, за которым наблюдал несколько дней, так он был теперь жалок. Он сидел, обхватив голову руками. Маленький, как я вдруг увидел, череп с седенькими и давно не стриженными волосами, потертый черный пиджак, несвежий воротничок манишки, торчащий из-под него - во всем проступала старость и какая-то шемящая душу беспомощность.

- Извините, - сказал я, садясь на скамью с другого конца.

Приезжий повернул голову, посмотрел на меня усталым, мутным взглядом. Я заметил, что у него сморщенные старческие веки и воспаленные, точно от слез глаза.

- А это Вы, - протянул он, - пришли добить меня?

- Нет, - ответил я, - мне этого не нужно.

- Что ж Вам было нужно, унижить меня?! - голос его вдруг стал высоким и вот-вот мог сорваться. - Доказать всем, что я свое отыграл и меня можно на свалку?!

Я молчал, отвечать означало спровоцировать его на скандал.

- Как же я забыл о Нимцевиче! - приезжий опять схватился за голову, точно хотел ее оторвать.

- Что же теперь делать?! С теткой-то как быть, это же деньги на ее лекарства!

Я не знал, что делать, чтобы не ухудшить ситуацию - встать и уйти или остаться и дать ему выговориться.

- Молодой человек, - вдруг обратился ко мне мой недавний противник, - верните мне десятку. Я понимаю, что не могу Вас об этом просить, но у меня тетка лежит, денег нет, я потому и играл.....

Он еще что-то бормотал не вполне связное, я не слушал, стыд и за самого себя, и за него, да и за все человечество созданное таким несовершенным захлестнул меня, не давая продохнуть. Я вытащил то, что у меня было в кармане и не глядя бросил на скамью. Мне было и жаль этого человека и противно видеть его теперешнее унижение, поэтому, не отдавая себе отчета в том, что делаю, я повернулся и побежал по аллее прочь. Он что-то кричал мне вослед, но я не оборачивался. Мне хотелось скорее убежать из этого парка, из города, но главное, от самого себя.

- Вот с тех самых пор я в шахматы и не играл, до сегодняшнего вечера, когда Вы мне опять напомнили о защите Нимцевича и о той злополучной истории.

- Я этого не хотела, - произнесла я, не зная, что еще можно сказать.

- Да знаю, это не Вы, это судьба.

Как легко бросить курить

Меня зовут Оля, мне восемь лет, и я все могу. Вот Ленка Гаврилова говорит, что это не так, что я не могу, например, курить, но Ленка дурища, я могу и это, только не хочу.

- А вот и не можешь! - шипит она мне в ухо, говорить на уроке пения не разрешается, - ты только истории придумывать можешь, да в футбол с мальчишками гонять, а курить ни за что не сможешь.

Она меня достала эта толстуха, пользуется тем, что сильнее, а так, ну что в ней такого, даже фантазий никаких нет.

- Ладно, если хочешь, только вот где папиросы добыть? - нехотя соглашаюсь я, впрочем, мне и самой любопытно как это курить.

- У моего отца есть, - заговорщически шепчет Ленка, радуясь, что я согласилась, - он же курит.

Курит?! Я даже толком и не знаю, что значит курить, у нас дома никто не курит, во дворе я, конечно, видела, дядя Витя сам скручивает кулечки из газеты, у него и махорка всегда с собой, пахнет ужасно. Он говорит, что мухи от нее дохнут, наверное, правда. «Как бы и мне от этого не сдохнуть, папа очень огорчится», - думаю я.

- Тогда после уроков ко мне, - продолжает нашептывать Ленка, пока учитель пения, прикрыв глаза вдохновенно растягивает и сжимает гармошку своего аккордеон, извлекая из него звуки тяжеловесного вальса «На сопках Манчжурии».

После уроков я плетусь за Ленкой, идти совсем не хочется, да и портфель сегодня тяжелый... Еще и Вовка Рыжий увязался за нами. Вовка болтун несусветный, уж точно всем все расскажет.

- Слушай, Рыжий, дай слово, что не разболтаешь! - Ленка, так же знает его болтливый язык.

- Могила, меня хоть режь! - возмущенно откликается Вовка, щуря хитрющие серо-зеленые глаза, словно это его любимое занятие быть разрезанным.

- Смотри, проболтаешься, - и Ленка демонстративно помахала перед его физиономией увесистым портфелем, демонстрируя свою недюжинную силу. Вовка худой и мелкий, сплошь в рыжих канапушках, всем своим видом старался показать, что он не боится, потому что честнее его во дворе никого нет, но поджилки у него тряслись, я заметила.

У Ленки двушка - комната и еще комната в глубине, а рядом с прихожей маленькая кухня: стол, холодильник, плита, буфет. Она принесла откуда-то пачку папирос на ней белыми печатными буквами по синему фону написано "Беломорканал" и картинка неказистая что-то вроде

контурной карты с морями и реками. Пачка уже начата и в ней болтаются несколько бумажных гильз. Я взяла одну и понюхала – пахло земляной сыростью и прелой листвой, но точно лучше, чем у дяди Вити.

- Ну что, слабо? - спросила Ленка, как-то по-мальчишески задирая меня, я за ней этого не замечала.

- А че тут, слабо? - удивился Вовка и потянул из пачки сигарету, деловито чиркнул спичкой и поднес ее к набитому табаком концу. Сухой табак принял в себя маленькое пламя и зардел, в кухне запахло сырой листвой и осенью. Я уже было подумала махнуть на всю эту затею рукой, запах был дрянной, но Рыжий, вдруг хитро сложив губы, выдохнул дымное кольцо, и оно баранкой поплыло по комнате сначала плотное и упругое, потом размытое и зыбкое. Видя мое изумление и желая произвести еще большее впечатление, Вовка пустил два кольца, причём одно из них более маленькое прошло сквозь другое - большое. Это был класс, теперь уйти, не попробовав сделать то же самое, было просто невозможно.

- Да, собственно, чего тут такого, - рассуждала я, вытягивая из пачки сигарету, - не понравится, брошу.

- Ты только дым в легкие не пускай, во рту держи, а то закашляешься, - пояснял Вовка со знанием дела, подпаливая мою сигарету.

- Губы вот так сложи, - и он сделал губами кольцо, от чего его веснушчатая физиономия приобрела удивленный вид, - потом резко выдохни, ну плюнь дымом-то.

Я попробовала, получилось не кольцо, а дымная клякса.

- Не так, вот смотри на меня.

Рыжий опять выдохнул из себя очередную белесую баранку, и я, не удержавшись, поймала ее на палец. Баранка была теплой и подвижной, точно живой.

- Поняла? Теперь ты.

Я затянулась, но вероятно не рассчитала, дым попал в легкие, я закашлялась, правда нельзя сказать, чтобы сильно.

- Я же говорил, в легкие не бери, закашляешься, это дядя Витя, он что паровоз, - наставлял меня Вовка, похоже, он был в этом дока.

Пачка папирос кончилась, а я так и не достигла желаемого результата.

- Ну что, надо новую покупать, деньги есть? - деловито спросил нас Вовка.

Денег ни у кого не было. Ленка перетрясла портфель, вывалился пятак.

- Маловато, - констатировал Рыжий, - «Примы» скорее всего не будет, «Дымка» то же, а Беломорканал - 22 копейки.

С математикой у Рыжего было туго и спроси его в школе ту же самую задачку, которую предстояло теперь решить нам, но замени деньги карандашами и Вовка ни за что бы не решил, а здесь, задумчиво почесав в коротко обритом затылке он, Бог знает каким образом выдал:

- Надо раздобыть еще семнадцать копеек.

Для меня найти семнадцать копеек было так же не достижимо, как найти семнадцать фантиков от "Белочки" или "Мишки на Севере", от конфет меня строго оберегали. В голову тут же полезли мысли о пиратском кладе и острове сокровищ, в реальности существования, которого я сомневалась значительно меньше, чем в возможности раздобыть семнадцать копеек.

Вовка, который обычно был не прочь послушать мои рассказы, сейчас не был к этому расположен, он чем-то напоминал военного стратега, расположившегося на бивуаке перед картой военных действий, я видела такую гравюру с Наполеоном в учебнике по истории. Вовка взгромоздился на кухонный стол, вероятно, так ему лучше думалось, как ни странно, Ленка не возражала, и упреков чумазый палец в медный пятак елозил им по пестрой кухонной клеенке перед пустой пачкой сигарет. Его лицо - веснушчатое, даже теперь с налетом шкодливости, как у дворового кота, выражало сложный процесс думания, так что мешать ему своими предложениями, типа: "Давай я у мамы попрошу", было неудобно.

- Надо собирать бутылки, - заявил он авторитетно, чем окончательно поразил меня, потому как мне было известно, что собирать можно маслята в сосняке, выкапывая их из-под плотного слоя прелой пахучей хвои. Еще смородину и яблоки в совхозном саду, куда мы иногда ездили, но бутылки...

- А где мы их будем собирать? - осторожно поинтересовалась я, боясь показаться своим приятелям слишком не компетентной.

- Ленка фыркнула, должно быть я со своим вопросом все-таки лопухнулась, но Вовка остался серьезен, не найдя его уж совсем наивным.

- Можно, конечно, пойти к лесопосадке, там наверняка есть. Но мы не пойдем - это долго, - констатировал он, - лучше посмотреть в канавах возле дороги, там трава, не всякий заметит...

Это уже было похоже на собирание грибов, и я не сдержала любопытства:

- А что, кто-то еще их собирает?

Вовка и прежде смотревший на меня как на существо иного порядка, теперь, вероятно, окончательно убедившийся в моей непригодности, терпеливо стал перечислять, загибая пальцы с черной каемкой обкусанных ногтей:

- Дядя Витя, когда на бутылку не хватает, дядя Миша, ну тот с протезом, когда тетя Зоя выпить не даст...

- Ну, хватит тут разговоры разговаривать, уже два часа, решили собирать, так и пошли, - решительно пресекла Ленка Вовкину просветительскую работу.

Я шла вдоль придорожной канавы, заросшей пыльной серой травой, вдыхала запах застоявшейся сырости, бензина и унылого запустения и думала только об одном: «Только бы не найти эту чертову бутылку». В нашем маленьком городке не было ни одного человека, не знавшего в лицо дочь директора завода.

- Ну чё ты тут капаешься, я уже все нашел, - вдруг завопил Вовка, оборвав своим криком мои моральные терзания, в его авоське лежало три пыльных бутылки, очень похожих на снулых рыбин.

- Осталось только помыть и сдать, пошли, - скомандовал он.

Я не возражала, в конце концов, Вовка открывал для меня новую жизнь с самыми настоящими, а не книжными, приключениями и переживаниями и даже своими победами, это было увлекательно.

- Тетя Лена, - канючил он у продавщицы магазина, пока мы с Ленкой, затаив дыхание, прислушивались за дверью, - папка просил «Приму» купить, может у Вас где завалялась?

- Завалялась?! Да ее первую расхватывают, будто твой папка не знает, только «Беломорканал» еще остался, бери или не мешайся, - бросила продавщица восьмилетнему Вовке, потеряв бдительность от его хитрых вопросов и обезоруживающе искренних зеленовато-серых глаз, еще по-детски прозрачных.

Я понимаю, что для Вовки это игра, в которой очень хочется выиграть, как Мальчику с пальчик, укравшему у великана сапоги-скороходы, но что-то в этой игре не так, почему-то ужасно стыдно прятаться и подслушивать.

- Ты что здесь делаешь? Уроки выучила?

Вот уж, что было совершенно некстати — это мой старший брат. Ему не до меня, он торопится на футбол, они сегодня играют с первой школой.

- Домой отнеси и иди уроки учи, - сует он мне буханку хлеба с блестящей темной корочкой, которую вероятно просила купить к ужину мама.

- Смотри не обкусывай, а то по шее надаю, - бросает он, видя как я принимаюсь к чуть кисловатому запаху, исходящему от мягкой упругой буханки.

- Ну, ладно, я пойду, - говорю я своим приятелям с некоторой боязнью, поглядывающим на моего старшего брата.

- Ну, иди, - нехотя соглашается Вовка, его мастер класс не окончен, это его огорчает.

Ленка недовольно молчит, потом, желая меня задеть, тянет Вовку за собой:

- Пойдем, Рыжий, у нас еще дело есть, - она намекает на его оттопыренный карман, где спрятана пачка «Беломорканала».

Я в одиночестве бреду домой через пустой двор и от скуки смотрю на облака, очень напоминающие кольца табачного дыма.

- Все-таки жаль, что мы не пошли в лесопосадку, - думаю я, - наверняка там сейчас отдыхает великан, ему нечего делать, и он лежит в траве и покуривает свои папиросы, иначе, откуда бы взяться этому дыму на небе.

Человек, коллекционирующий ароматы

Коллекционировать можно что угодно, масса людей коллекционирует впечатления, так почему бы и не ароматы? Действительно, почему? Может быть, это объясняется чисто физиологическими свойствами или психикой, но обычно запоминаются резкие запахи - неприятные гораздо чаще приятных. Помните ли Вы ароматы каких-либо цветов, кроме ландыша или садовой лилии? Согласитесь, весьма условно, и легко спутаете, если Вам завязать глаза.

- Было бы, о чем сожалеть, - воскликнет какой-нибудь раздосадованный читатель,

- Зачем все это?! Можно же и надпись под цветком прочесть в ботаническом саду, а где еще придет в голову интересоваться его названием?!

Я думала примерно также, пока у меня не появилась аллергия и без всяких видимых на то причин. Довольно долго она меня изводила, но никто не мог найти причину, пока однажды я сама не поняла, что близкий мне человек переменял свой запах. Сказать какой именно запах меня раздражал, я не могла, но было внутреннее чувство перемены, подавляющее мою психику. Интуитивно я отдалилась, и мы не виделись несколько дней. Аллергия прошла, а я тут же о ней забыла, не восприняв ее как предупреждение. Во взаимоотношениях порой наступает период неустойчивого равновесия, когда надо бы уже что-то решить, разойтись, но никто не решается на перемены. Почва под ногами становится все более зыбкой и один из двоих, ощутив эту зыбкость, подается назад, раздумывая - не уйти ли? Тогда другой, вместо того, чтобы отпустить, напротив делает все, чтобы тот остался - становится необычайно нежен, внимателен, даже запах меняет. Ох уж этот мне запах! Запах перед расставанием становится притягательным и влекущим, обезволивая и притупляя инстинкт самосохранения. Ты вновь тянешься к этому человеку, подсознательно чувствуя, что-то уже не так, но что?! Увы, это становится ясно, когда шаг назад делает он, а потом второй, третий, стараясь выбраться первым из тех отношений, которые недавно дарили праздник, а теперь напоминают рутину. Потом, ты будешь вспоминать все что угодно, кроме предостерегающих запахов. У Вас такого не было? Наверняка, было. Но есть же и счастливые люди, которые не только слышат запахи во всем их многообразии, но и вполне осознанно их используют.

- У Вас аромат нераскрывшихся весенних цветов, - произнес стоящий рядом со мной мужчина, и это не было вымученным комплиментом, просто он вот так ощутил меня, не увидел, а именно ощутил.

- Возможно, - согласилась я, - по крайней мере, с утра мне так казалось, потому я и выбрала эти духи "Angel", чтобы немного усилить его.

- Вам это удалось, - заметил он, не удивляясь, впрочем, что не произвел сенсации, хотя сказать по правде я была удивлена, не помню, чтобы меня кто-то воспринимал через аромат. Через интонации, взгляд, манеру двигаться, жесты, даже ауру, но запах - нет, никто.

- Вы очень переменчивы, - произнес мой собеседник, - вот о чем-то задумались и запах поменялся, теперь стал более терпким. Ваши мысли имеют свой аромат и ваше настроение то же. О чем Вы сейчас думали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.